PV
3390
Бул

ЗНАЧЕНІЕ ПУШКИНА

въ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

сочиненіе

Н. Булича.

КАЗАНЬ.
1855.

Михаилу Никифоровичу

Каткову

Автор

Булич, 4

ЗНАЧЕНІЕ ПУШКИНА

ВЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЕГО СОЧИНЕНІЙ).

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЭКСТРА-ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Николаемъ Буличемъ,

9-го ОКТЯБРЯ 1855 ГОДА.

КАЗАНЬ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ УНИВЕРСИТЕТА.

1855.

Пров. 1955

PV
3390
5уп

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, 13 Сентября 1855 года.

Секретарь Совѣта В. Оковъ.

БИБЛИОТЕКА
ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

I.

Въ наше время, въ годину великой борьбы, когда Отечество наше на кровавыхъ поляхъ битвъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, отстаиваетъ независимость началъ своихъ и вѣковую честь историческаго существованія, когда возвышеннымъ порывомъ звучитъ грудь каждаго Русскаго человѣка, отрадно Русскому сердцу обратиться къ одному изъ тѣхъ великихъ людей своей родины, которые въ области мысли, въ области прекрасной художественной дѣятельности, составляютъ честь Русскаго народа, гордость и славу его. Исторія духовной дѣятельности народа восполняетъ собою его политическую исторію. Наука, Поэзія и Искусство идутъ вслѣдъ за событіями политическими и оправдываютъ ихъ. Счастливъ народъ, который рядомъ съ героями внѣшней дѣятельности, можетъ указать съ гордостію на героевъ духа, выразителей того, что положено историческимъ развитіемъ въ грудь народа, что волнуетъ его душу, что составляетъ его лучшія, благороднѣйшія, священнѣйшія начала. Въ этихъ герояхъ духа народъ узнаетъ самого себя; они — пластическіе типы внутренней жизни народа и созданія ихъ суть духовное свидѣтельство существованія его, документъ передъ человѣчествомъ, оправдывающій историческую жизнь и развитіе народа. Произведенія литературы суть тѣже факты народной жизни, какъ и ступени развитія гражданскаго въ обществѣ, какъ и славные военные подвиги. Вообще историческая жизнь народовъ

отражается въ представителяхъ своихъ. Крѣпкая и давняя, она своимъ содержаніемъ вырабатываетъ мѣдные типы людей, въ которыхъ таинственнымъ образомъ сосредоточивается все, что составляетъ внутреннее содержаніе жизни народной. Отъ того въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ народа, которые являются духовными представителями своей родины, есть отголосокъ на всѣ стремленія народа, есть отзывъ на кличъ души его, есть разгадка того, что составляетъ повидимому неразгаданныя и таинственныя стороны его жизни. Поэзія болѣе, нежели другая сторона духовной жизни народа, говоритъ его сердцу и ближе затрогиваетъ его за живое. Она понятнѣе человѣку и Науки и вообще Искусства, къ какому бы развитію ни принадлежалъ онъ. Поэзія провожаетъ общество во все время его исторической жизни, отъ первоначальной, темной поры ощущеній до свѣтлой эпохи разумнаго сознанія. Она — креститъ и хоронитъ общество. Наука, напротивъ того, является въ обществѣ гораздо позднѣе Поэзіи; она есть плодъ долговременнаго развитія умственнаго. Другія же Искусства требуютъ особенныхъ условій въ народной жизни. Потому ни въ одномъ проявленіи духовной жизни народа не отражается такъ пластически — ясно, такъ художественно-прекрасно весь духовный образъ народа, Психея его, какъ въ Поэзіи. Въ миѳическомъ сознаніи Славянина Поэтъ былъ *Вѣщимъ*, знавшимъ все, знавшимъ и судьбу минувшаго и темное будущее, умѣвшимъ въ волшебныхъ звукахъ разоблачать тайны того и другого. Въ классическомъ мірѣ почти тоже самое имѣетъ значеніе Поэтъ, какъ жрецъ, какъ Vates, натура высшая, по могущественнымъ дарамъ духа, сосредоточеннымъ внутри его. Потому великіе поэты являются вездѣ въ исторіи воспитателями народовъ, подобно загадочному Орфею въ темную пору начала

Греческой цивилизаціи, подобно Гомеру, отразившему въ своихъ художественныхъ образахъ всю современную ему жизнь Греціи и подвинувшему впередъ ея развитіе. Нѣтъ ничего въ мірѣ духовной дѣятельности понятнѣе человѣку звуковъ Поэзіи. Въ нихъ заключена та волшебная сила, которая подымаетъ его надъ дѣйствительностію, которая зоветъ его въ широкія, свѣтлыя пространства, указываетъ ему сіяющее небо, духовную родину души. Несчастливъ тотъ, кому судьба отказала въ пониманіи звуковъ Поэзіи, надъ кѣмъ проносятся они безсмысленно, не возбуждая тайнымъ смысломъ своимъ огрубѣлой души, не подымая ее изъ праха. Цѣлый міръ незнаемыхъ и прекрасныхъ ощущеній закрытъ для него и весь въ мелкихъ интересахъ жизни, какъ кротъ въ норѣ своей, онъ не видитъ надъ собою ни ясной лазури неба, ни яркаго солнца. Бѣдна и печальна эта жизнь, не озаренная лучами Поэзіи, лишенная высокихъ, благородныхъ стремленій, подымающихъ человѣка и уносящихъ его далеко изъ обыкновеннаго міра жизни, съ ея повседневными нуждами и заботами. Пониманіе Поэзіи дано всякому, но образованіе развиваетъ его, дѣлаетъ его полнѣе и совершеннѣе. Тогда Поэзія въ сознаніи человѣка возвышается отъ простаго благозвучнаго лепета, который раздается въ младенческихъ устахъ народовъ, выражая собою дѣтскій порывъ души, до сознательнаго отраженія въ художественныхъ образахъ своихъ міра и дѣйствительности, стремленій и порываній человѣчества, его счастія и страданій. Нѣтъ ничего въ мірѣ, на что бы не отозвалась Поэзія и чѣмъ выше по своему развитію народъ, тѣмъ обширнѣе предѣлы его Поэзіи, тѣмъ полнѣе Поэтъ является духовнымъ представителемъ своей родины.

Въ наше время человѣчество выросло до этого сознанія о

Поэзіи. Оно смотритъ на Поэта, не какъ на забавника праздныхъ слушателей, расточающаго передъ ними отъ нечего дѣлать мишуру словъ и поддѣльные алмазы звуковъ и риѳмъ. Не тѣшиться хочетъ оно поэтическимъ вымысломъ, а требуетъ отъ Поэзіи мысли и содержанія, пониманія дѣйствительности, глубокаго и могучаго сочувствія со стороны Поэта надеждамъ и страданіямъ народовъ. Поэзія, какъ и всякое Искусство, конечно имѣетъ цѣль въ самой себѣ. Ей нѣтъ дѣла по видимому до внѣшнихъ цѣлей, до внѣшнихъ побужденій, которыя навязываются ей критиками. Поэтъ творитъ безсознательно, вслѣдствіе таинственной, неразгаданной силы, горящей въ немъ божественнымъ пламенемъ и побуждающей его къ производительности. Дѣло Поэзіи, говорятъ — создавать художественные образы и кромѣ художественныхъ созданій мы не въ правѣ требовать ничего отъ нея. Такой взглядъ на Искусство, въ которомъ господствуетъ могущественнѣйшее орудіе мысли человѣка — слово, — кажется намъ одностороннимъ. Онъ весь проникнутъ тѣмъ сибаритизмомъ воззрѣнія, который ничего не ищетъ выше наслажденія, для котораго прекрасная, роскошная форма заставляетъ забыть о мысли, о глубинѣ содержанія. Онъ хочетъ отъ Поэзіи только законченныхъ, гармоническихъ созданій, полныхъ своей отдѣльной, безотносительной жизни, какъ бѣлые, мраморные боги древняго язычества, эти вѣчные и прекрасные типы Искусства, забывая, что эти образы отдаленнаго времени и сознанія — холодны и безжизненны, не смотря на вѣковую красоту свою, что въ мраморныхъ жилахъ ихъ не течетъ теплая кровь современности..... Нѣтъ, такой исключительный взглядъ на Поэзію, съ одной ея художественной стороны не совмѣстимъ съ сознаніемъ нашего времени. Какое дѣло человѣку до перловъ и алмазовъ Поэ-

зіи, несущихся передъ нимъ брызжущимъ водопадомъ звуковъ и образовъ, когда грудь его надорвана страданіями дѣйствительными, когда вся она изнываетъ скорбію нищеты, надъ которою перлы и алмазы Поэзіи будутъ злою насмѣшкою жестокаго богача надъ истертою сумою нищаго? Какое дѣло народу до воспроизведенія Поэтомъ въ роскошныхъ и волшебныхъ звукахъ чужой дѣйствительности, чудной природы далекаго Юга, отдаленныхъ событій, когда страшный пожаръ войны горитъ въ странѣ его, когда толпы лучшихъ сыновъ его, съ патріотическимъ самоотверженіемъ, идутъ поливать кровью своею поля сраженій, гдѣ отстаивается честь и самостоятельность родины. Нѣтъ — чисто художественная Поэзія блѣднѣетъ передъ возвышенною эпопеею дѣйствительности и строже смотритъ современная критика на Поэта и его созданія. Она требуетъ отъ нихъ служенія общему дѣлу добра и правды, служенія обществу. Потому то въ современномъ мірѣ, кипящемъ такою разнообразною дѣятельностію, гдѣ столько могучихъ интересовъ двигаютъ историческою жизнію обществъ, Искусство какъ бы не имѣетъ приличнаго мѣста, слышны даже голоса противъ него. Кажется съ перваго взгляда, что ухо современнаго человѣка глухо для звуковъ Поэзіи, что глаза его слѣпы для чисто-художественныхъ, безотносительныхъ созданій. Кажется, что исторія Искусствъ, въ постепенномъ ходѣ своего развитія, дошла въ настоящее время до такого предѣла, на которомъ она должна остановиться, что всѣ извѣстныя формы Искусства уже исчерпаны и не воротятся вновь. Скульптурные образы боговъ имѣли свое мѣсто и значеніе только въ миѳическомъ періодѣ классическаго міра; готическіе соборы выражали собою первыя историческія стремленія едва возбужденнаго къ жизни Европейскаго человѣчества; идеаль-

ныя мадонны новой Италіи были только соединеніемъ забытой пластической красоты, отрытой Эпохою Возрожденія изъ подъ классическихъ развалинъ, съ христіанскимъ воззрѣніемъ Католицизма. Всѣ эти вѣчно прекрасныя созданія выражали только свое время и настроеніе современнаго имъ человѣчества. Не смотря на безотносительную прелесть свою, они не могутъ возникнуть въ мірѣ настоящаго, для котораго нужны иныя формы, которому понятны иныя созданія. Но настоящее не создало еще окончательно-свойственной ему формы въ Искусствѣ. Все дѣло ограничивается покуда одними порываніями и стремленіями. Принято только-то за безспорную истину, что одна художественная прелесть и оконченность созданія Искусства не даетъ ему правъ на полное уваженіе современнаго человѣка, что онъ требуетъ отъ него еще чего-то высшаго, ближе говорящаго духу и современнымъ потребностямъ. Отъ того всеобъемлющая поэзія Гёте, умѣвшая представить въ своихъ художественныхъ образахъ все, что только доступно человѣческому духу, подверглась и подвергается въ настоящее время нападеніямъ критики, не совсѣмъ несправедливымъ, по нашему мнѣнію. Гёте былъ поэтъ-художникъ по преимуществу. Безстрастно, съ Олимпійской высоты, смотрѣлъ онъ на кипящую передъ нимъ добромъ и зломъ дѣйствительность и вдали отъ нея создавалъ свои роскошные, поэтическіе образы, безъ которыхъ не могла существовать его поэтическая натура. Современная критика не можетъ простить ему этого безстрастія, этого яснаго спокойствія, приличнаго только Зевсу, равнодушному зрителю волненій человѣчества, созданій жалкихъ и однодневныхъ. Въ наше время Поэзія должна спуститься съ этой заоблачной высоты, гдѣ предметы дѣйствительности теряютъ свои настоящіе размѣры; она должна придвинуться

къ современному человѣку, не презирать его нуждами, желаніями и надеждами. Теплый огонь земли ближе къ тѣлу усталаго странника и скорѣе согрѣетъ его, чѣмъ великолѣпная, но холодная луна, безучастно плывущая въ лазурныхъ пространствахъ и сыплющая серебряные лучи свѣта на холодныя и не согрѣтыя поля.

Таковъ взглядъ современнаго человѣка на Поэзію и мы не въ правѣ упрекать его въ этомъ взглядѣ: онъ возникъ вслѣдствіе историческаго движенія мысли, вслѣдствіе самой исторіи Искусства. Разоблачаются прекрасные образы, сходятъ съ пьедесталей своихъ дивныя статуи и становятся на строгій, неподкупный судъ. Многіе ли изъ нихъ выйдутъ оправданными изъ этого судилища и опять займутъ свое прежнее мѣсто, которое утверждено за ними сознаніемъ вѣковъ и народовъ?.... Люди современности ищутъ пользы и живаго примѣненія въ созданіяхъ Искусства. Имъ нѣтъ дѣла до идеальной прелести художественнаго образа; они хотятъ мысли и жизни отъ него; они хотятъ, чтобъ въ этомъ образѣ было что-то выше красоты. Но такой взглядъ на произведенія Искусства и такія требованія отъ него критики слишкомъ невыгодны для самаго Искусства. Согласно съ этимъ взглядомъ — художникъ долженъ творить преднамѣренно, по заранѣе составленному плану, съ приготовленной идеей. Гдѣ же тутъ свобода, необходимое условіе всякаго творчества въ Искусствѣ? Можно ли писать законы ничѣмъ неудержимому вдохновенію? Не значитъ ли это стѣснить художника, отнять у него неоспоримыя права? Вотъ въ чемъ заключается, кажется намъ, недостатокъ современной критики, не смотря на всю истину требованій, дѣлаемыхъ ею Искусству. Есть примирительный выходъ изъ этихъ противоположностей и выходъ этотъ заключается въ самой сущности Искусства. Идеи красоты,

блага и правды не разлучны въ сознаніи человѣческомъ. Прекрасное никогда не противорѣчитъ ни высшему благу, ни высшей правдѣ. Произведенія Искусства, на которыхъ лежитъ печать таланта и генія не могутъ быть безнравственными. Въ самой красотѣ ихъ, повидимому безотносительной, идеальной и далекои отъ дѣйствительности заключается та могущественная сила, которую совершенно справедливо приписываютъ Искусству. Произведенія Искусства раскрываютъ сознаніе человѣка къ легчайшему воспріятію идей, принадлежащихъ другимъ сторонамъ духа. Человѣкъ, обвѣянный волшебными звуками Поэзіи, дѣлается воспріимчивѣе; его душа расширяется, его умъ свѣтлѣетъ. Люди, которые смотрѣли на драму Софокла или на комедію Аристофана, должны были съ инымъ чувствомъ слушать грозныя рѣчи Демосѳена, нежели варвары, которымъ былъ чуждъ свѣтлый міръ Греческаго Искусства. И самый народъ Аѳинскій, съ дѣтства привыкшій созерцать роскошныя формы скульптурныхъ произведеній и правильные размѣры классическихъ зданій, не представляется ли намъ самымъ изящнымъ народомъ, для духа котораго доступны были всѣ малѣйшія явленія жизни? Звуки Россини и Мейербера, стройныя линіи античной статуи, тѣни, краски и образы великихъ мастеровъ живописи, стихи Пушкина, или поэтическіе образы Шекспира воспитываютъ душу человѣка сильнѣе многихъ педагогическихъ средствъ. Человѣкъ, которому не чуждъ этотъ прекрасный, возвышенный міръ Искусства, не унесетъ въ жизненныя отношенія загрубѣлой души, не испортитъ гармоніи жизни дикимъ порывомъ, приличнымъ неразвитому духу. Таково вліяніе Искусства на человѣка и въ этомъ смыслѣ поэты и художники были воспитателями человѣчества во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Въ этомъ

также, нѣсколько обширномъ смыслѣ, заключается служеніе Искусства обществу. Конечно, въ сущности Искусства, въ свободѣ, съ которою художникъ вызываетъ къ жизни свои образы нельзя искать этой цѣли. Вдохновенный Поэтъ импровизируетъ свои образы, часто родятся они безсознательно въ его творческой фантазіи, но эти образы существуютъ, они одѣты плотью Искусства и вліяніе ихъ на развитіе человѣчества неизмѣримо. Вотъ почему современная критика имѣла полное право сказать о Пушкинѣ, этомъ величайшемъ и благороднѣйшемъ представителѣ Русскаго духа въ мірѣ художественныхъ явленій, что онъ былъ у насъ *воспитателемъ художественнаго чувства въ обществѣ* (1). Съ этимъ званіемъ соединяется многое и заслуга въ этомъ отношеніи обществу, со стороны Пушкина, чрезвычайно важна и велика. Воспитать эстетическое чувство въ обществѣ значитъ приготовить общество къ воспріятію всего великаго, всего благороднаго въ мірѣ и потому нашъ великій поэтъ имѣлъ полное право написать о себѣ эти гордые, но прекрасные стихи:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.
. . . . . .
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ (2).

Дѣйствительно Русское общество много обязано поэзіи Пушкина. Она, отражая въ себѣ современное ей общественное состояніе, въ историческомъ ходѣ развитія Русской поэзіи, была явленіемъ новымъ, неслыханнымъ до того времени, а потому такъ близко пришлась къ Русскому сердцу. Первыя, молодыя созданія Пушки-

на были встрѣчены обществомъ съ восторженными похвалами, съ пламеннымъ энтузіазмомъ. Впервые общество нашло гармоническаго выразителя своихъ завѣтныхъ думъ и стремленій и любовалось въ любимомъ Поэтѣ своемъ лучшею стороною своего духа. Звуки его поэзіи сдѣлались достояніемъ всѣхъ почти общественныхъ классовъ, не смотря на глубокое художественное достоинство свое, доступное пониманію немногихъ. Такого явленія не было въ Русской литературѣ до появленія Пушкина. Прежде Поэзія, особенно въ XVIII вѣкѣ, существовала для ограниченнаго числа любителей. Ея вліяніе, развиваясь въ небольшомъ кругу, не расходилось по массѣ народа. Причина этого новаго отраднаго явленія конечно не лежитъ въ одномъ достоинствѣ поэзіи Пушкина: оно было приготовлено всѣмъ историческимъ развитіемъ Русскаго народа, оно было слѣдствіемъ того возвышеннаго порыва народной исторіи, который мы видѣли у насъ въ славномъ 1812 году. Впервые явилась тогда потребность въ литературѣ, сознаваемая всѣми. Но и глубокое художественное достоинство созданій Пушкина имѣло тутъ не маловажное вліяніе. Въ Русской поэзіи до его времени мы не находимъ почти этого элемента, который сдѣлался теперь необходимымъ условіемъ поэтическихъ созданій, безъ котораго они не заслуживаютъ критики. Въ чемъ же заключалась эта художественность созданій Пушкина, которая такъ привлекаетъ къ себѣ душу читателя, такъ сладко настроиваетъ, затрогивая за живыя струны сердца? Могущественное вліяніе этой художественности заключалось въ обще-доступности, въ обще-человѣчности образовъ, создаваемыхъ великимъ поэтомъ — художникомъ. Пушкинъ, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ, оставившимъ въ созданіяхъ своихъ художественные образы, творилъ съ эгоизмомъ художника, страстно

отдаваясь Искусству, стоящему въ его мнѣніи выше всего земнаго. Но вслѣдствіе условій возвышенной натуры его, образы, вызываемые имъ къ жизни имѣютъ общечеловѣческое достоинство. Все частное, все индивидуальное, побывавъ въ мастерской великаго Поэта, снимаетъ съ себя конечный образъ и облекается въ форму, доступную каждому, понятную всѣмъ. Отъ того въ образахъ Пушкинской поэзіи мы любуемся не уединенными, индивидуальными созданіями Поэта, а слышимъ то, что было давно знакомо нашей собственной душѣ, что жило въ ней давнымъ давно, но чему не могли мы найти приличнаго выраженія. Эта пѣснь давно кажется звучала въ нашемъ сердцѣ, давно просилась и рвалась наружу и только Поэтъ, какъ волшебникъ, вызвалъ ее къ жизни, вывелъ ее на Божій свѣтъ изъ темныхъ странъ внутренняго міра. Въ этомъ-то заключается волшебное дѣйствіе поэзіи Пушкина на общество. Народъ Русскій видитъ въ немъ самого себя, слышитъ въ звукахъ его завѣтные вздохи своей груди, видитъ въ образахъ его давно знакомые образы, живущіе въ сердцѣ его. Имя Пушкина дорого Русскому сердцу. Его поэтическими созданіями воспитывается и должно воспитываться наше общество, ибо до сихъ поръ онъ является послѣднимъ художественнымъ выразителемъ Русскаго духа. Почти двадцать лѣтъ прошло со времени его скорбной, трагической кончины, а до сихъ поръ Русская критика не можетъ указать на другого поэта, который ближе бы подошелъ къ обществу, который лучше бы умѣлъ выразить въ художественныхъ образахъ душу своего народа. Правда, мы съ гордостію можемъ указать на два имени, дорогія Русской литературѣ: Лермонтова и Гоголя. Но первый, въ молодой и печальной судьбѣ котораго было такъ много общаго съ первоначальною судьбою Пушкина, также отмѣчен-

ный свыше божественною печатью великаго таланта, умеръ рано, не развивъ всего, что было его внутреннимъ содержаніемъ. По его собственному выраженію

.....съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще не зрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній (*).

Его поэзія была мимолетнымъ, блестящимъ явленіемъ и погибла, какъ цвѣтокъ, сорванный раннею бурею. Другой великій поэтъ, выразившій въ созданіяхъ своихъ Русское общество, пошелъ иною дорогою, сравнительно съ Пушкинымъ. Его созданія принадлежали другой сферѣ Искусства. Его здоровый и могучій юморъ выводилъ на общій позоръ не идеальные типы — а лица печальной дѣйствительности. И его прекрасный талантъ не былъ развитъ до конца органическимъ образомъ. Онъ болѣзненно извратился въ сторону и не выразилъ всего того, что лежало въ основѣ его. Что-то глубоко трагическое слышится въ судьбѣ Гоголя, не оправдавшаго всѣхъ надеждъ, которыя онъ самъ подалъ. Честь великаго Поэта, ни разу не измѣнявшаго себѣ, честь человѣка, развивавшагося органически, постепенно, безъ скачковъ и перерывовъ, принадлежитъ такимъ образомъ одному Пушкину. Въ настоящее время, когда предъ нами лежитъ послѣднее, по возможности полное собраніе его сочиненій, его имя опять, съ прежнею свѣжестію раздается въ устахъ каждаго Русскаго. Снова какъ будто онъ становится нашимъ современникомъ, снова развиваетъ передъ нами блестящій рядъ поэтическихъ созданій, снова льетъ роскошныя волны звуковъ, полныхъ не увядаемой Поэзіи. Въ наше время, когда вопросы Искусства должны уступить первенство другимъ великимъ

историческимъ вопросамъ, разрѣшаемымъ на поляхъ битвъ, когда великое настоящее наполняетъ всю душу Русскаго человѣка, появленіе сочиненій перваго поэта народа, едва ли могло быть встрѣчено съ общимъ энтузіазмомъ. Но общій голосъ дѣлаетъ имя Пушкина вновь любезнымъ всякому Русскому, вновь перечитываются и изучаются его созданія. Не есть ли это лучшее доказательство славы и великой будущности Русскаго народа, которому въ годину народной войны, дороги художественныя созданія его духа, гдѣ выразились его жизнь, единство, величіе и слава?

Такимъ образомъ поэзія Пушкина, не смотря на то, что двадцать почти лѣтъ прошло со смерти поэта, остается послѣднимъ, вполнѣ художественнымъ и совершеннымъ явленіемъ въ исторіи Русской поэзіи. Какъ послѣдняя ступень развитія Искусства, она должна была выразить собою все содержаніе прежняго развитія, всѣ различныя направленія и стороны Искусства. Она не могла явиться безъ всякой связи съ предшествовавшими ей явленіями и какъ всякій моментъ въ области духа, она должна была быть результатомъ прежнихъ и находиться въ родственной связи съ ними. Въ мірѣ явленій духа всякій фазъ его развитія глубже по содержанію, многостороннѣе и возвышеннѣе предъидущихъ. Это вѣчный законъ исторіи, гдѣ наслѣдственно передаются опыты поколѣній. Такъ, знающій развитіе Русской поэзіи до Пушкина, найдетъ въ его произведеніяхъ отголоски звуковъ прежнихъ Русскихъ поэтовъ. Но это только отголоски, а не повтореніе стараго. Поэзія позднѣйшаго времени тѣмъ и выше предшествовавшей Поэзіи, что заключая въ себѣ прежнее содержаніе уже въ высшемъ и измѣненномъ видѣ, приноситъ къ нему начала новыя, вытекшія изъ окружающей Поэта дѣйствительности, прибавляетъ звуки, прежде

не слыханные. Поэтому, въ лирѣ Пушкина слышится что-то родственное съ лирами прежнихъ поэтовъ. Онъ—наслѣдникъ, которому впрокъ пошло достояніе завѣщанное, не погубившій и не растратившій капиталъ, а увеличившій его сторицею.

II.

Русская поэзія, въ смыслѣ Искусства, а не безсознательнаго, непосредственнаго лепета, который слышится въ звукахъ народной пѣсни, началась въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ началомъ новой нашей политической исторіи. Съ тѣхъ поръ она шла рядомъ съ развитіемъ общества, шагъ за шагомъ за нимъ, сочувствуя его быстрымъ успѣхамъ, сочувствуя той новой жизни, которую пролилъ въ мертвыя дотолѣ массы великій геній Преобразователя. О какомъ бы жизненномъ явленіи въ новой Россіи ни стали мы говорить, всегда мы придемъ къ этой великой исходной точкѣ, съ которой начинается наше значеніе въ исторіи человѣчества. Русская поэзія ведетъ начало свое оттуда же, и первые опыты ея, еще не въ установившейся, не гармонической формѣ, носятъ на себѣ слѣды того броженія идей, того разлада стараго съ новымъ, какой появился въ слѣдъ за Реформою. Въ дикихъ, но благородныхъ звукахъ Кантемира, слышится это великое время, вызвавшее его сатиру. Эта пестрая смѣсь словъ и понятій, занесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, порожденныхъ новыми потребностями общественными, этотъ неустановившійся складъ рѣчи и чуждый Русскому уху размѣръ стиха, вполнѣ выражаютъ то время общей работы, когда изъ разобранныхъ кирпичей стараго зданія, складывалось новое, которому исполинская мысль и воля Зодчаго прочили такую великую и прекрасную будущность. Тотчасъ же, въ слѣдъ за этою первою

работою раздались звуки Русской поэзіи. Естественно, что въ этихъ первыхъ, слабыхъ порывахъ ея трудно искать и невозможно найти художественнаго выраженія мысли — прекрасной формы. Вполнѣ изящная форма вырабатывается трудною работою многихъ поколѣній, до нея достигаютъ цѣлой исторіей развитія Искусства и она является только тогда, когда найдется для нея достаточное содержаніе въ жизни окружающей художника. Тогда только содержаніе празднуетъ свой гармоническій союзъ съ формою, и созданіе является предъ очами человѣка стройное и блестящее, полное жизни и красоты. Не готовыми и съ разу изящными явились въ скульптурѣ прекрасные типы древнихъ боговъ и богинь Греціи. Содержаніе, которое дало имъ такую роскошную форму, миѳологія, должна была сама выдержать цѣлый процессъ развитія въ сознаніи древняго язычника, пока вылилась въ свойственную ей и вполнѣ совершенную форму. Эгинскіе мраморы, выражая собою колебанье идей миѳологическихъ, очень далеки еще отъ идеальныхъ созданій Фидіаса. Такъ и Русская поэзія должна была развиваться постепенно, раздвигая границы свои, сбрасывая отжившія формы и увеличивая внутреннее богатство содержанія. Ей предстояла долгая дорога развитія, покуда нашла она себѣ прекрасную, артистически — совершенную форму, творцемъ которой былъ Пушкинъ. Исторія литературы Русской, оправдывая всѣ предшествовавшія явленія и указывая имъ настоящее мѣсто, не есть собраніе отдѣльныхъ и разрозненныхъ фактовъ, не связанныхъ общею историческою мыслію. Это — органическое цѣлое и молодая Русская литература, развиваясь постоянно, удовлетворяла всѣмъ, болѣе или менѣе существеннымъ потребностямъ общества. На явленія ея нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія нашего времени и требовать отъ зерна,

едва начинающаго жить — крѣпкаго и спѣлаго плода. Стихи Ломоносова и Державина, часто тяжелые и неуклюжіе для нашего времени, имѣли свое мѣсто и свое значеніе въ той средѣ, которая породила ихъ. Художественная поэзія Пушкина не могла явиться разомъ, безъ приготовленія и предварительной работы на Русской землѣ, безъ нѣсколькихъ поколѣній дѣятелей: она была результатомъ предшествовавшаго развитія и Пушкинъ много обязанъ старымъ поэтамъ.

Съ Кантемиромъ началась Русская литература въ XVIII вѣкѣ. Онъ, не смотря на свое отдѣльное, нѣсколько уединенное положеніе въ нашей литературѣ въ самомъ началѣ ея, былъ родоначальникомъ тѣхъ сатирическихъ писателей, поэтовъ и прозаиковъ, рядъ которыхъ тянется до нашего времени. Въ произведеніяхъ ихъ слышится сильно затронутое общественное чувство, выражавшееся болѣе или менѣе опредѣлительнымъ образомъ и имѣющее, даже въ дикихъ формахъ Сумароковской сатиры, полное право на наше уваженіе. Литература того времени началась подражаніемъ, иногда совершенно дѣтскимъ, но этого не должно ставить ей въ вину и вызывать ее на строгій судъ современности. Подражаніе было тогда историческимъ условіемъ жизни и избѣжать его не было возможности. Литературѣ предстоялъ трудъ — завоевать себѣ содержаніе и создать форму. Покуда не было еще ни того, ни другого. Едва только начиналась цивилизованная жизнь общества, едва только вставала надъ Русскою землею еще блѣдная заря просвѣщенія и не было нигдѣ мѣста, посреди стука молота и топора, строющаго столицы, посреди грома оружія, завоевывающаго цѣлыя области, литературнымъ явленіямъ, которыя родятся въ развитомъ, успокоенномъ гражданскомъ обществѣ. Вполнѣ со-

вершенныя художественныя созданія были бы аномаліей въ тогдашнемъ обществѣ, занятомъ внѣшнею дѣятельностію. Потому и произведенія Русской литературы XVIII вѣка были чисто внѣшними. Холодная внѣшность и подражательность были необходимыми, историческими условіями ихъ. Эти условія должны были исчезнуть со временемъ и уступить мѣсто другимъ, столь же необходимымъ явленіямъ.

Все дѣло Русской поэзіи въ XVIII вѣкѣ было создать формы, которыхъ не было у насъ. Естественно, что формы эти заимствовались изъ литературъ Европейскихъ, гдѣ онѣ давно уже имѣли законное и историческое существованіе. Безъ всякаго содержанія, даваемаго обыкновенно народною жизнію и развитіемъ общества, у насъ эти формы были холодны и пусты и лирическій восторгъ, напыщенно гремящій въ одахъ нашихъ поэтовъ XVIII вѣка, кажется неестественнымъ и насильственнымъ, пустою и надутою декламаціею. Ломоносовъ первый началъ собою длинный рядъ поэтовъ, съ неопредѣленными, безъ рѣзкихъ чертъ оригинальности, физіогноміями, съ неопредѣленнымъ и большею частію поддѣльнымъ восторгомъ. Ломоносовъ былъ великимъ человѣкомъ новой преобразованной Россіи. Едва только возбужденному къ жизни обществу, съ молодыми, свѣжими силами, необходима была духовная дѣятельность, но покуда не было и началъ ея. Представителемъ этой не виданной дотолѣ у насъ духовной дѣятельности былъ Ломоносовъ, благороднѣйшій типъ Русскаго человѣка того времени. Подобно тому, какъ Петръ Великій создавалъ изъ ничего формы гражданскаго устройства, условія внѣшней и внутренней дѣятельности въ Государствѣ, отъ войска и флота до нижней инстанціи суда и сельской школы, такъ и Ломоносовъ созидалъ

начала Науки почти во всѣхъ развѣтвленіяхъ ея. «Соединяя не-«обыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, го-«воритъ Пушкинъ, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. «Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной «страстей. Историкъ, Риторъ, Механикъ, Химикъ, Минералогъ, «Художникъ и Стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ» (4). Въ этомъ послѣднемъ словѣ *стихотворецъ* заключается все опредѣленіе Ломоносова по отношенію его къ Поэзіи, какъ къ Искусству, какъ къ творчеству, вслѣдствіе свободнаго стремленія духа и фантазіи къ производительности. Онъ не былъ Поэтомъ въ строгомъ смыслѣ слова, а только сочинителемъ стиховъ. Даже о Поэзіи, какъ Искусствѣ, Ломоносовъ отзывался съ презрѣніемъ. Не вслѣдствіе внутренняго восторга, не вслѣдствіе неумолкаемаго стремленія къ творчеству писались его длинныя оды, съ реторическими и условными оборотами, предписанными старыми теоріями Искусства. Его поэзія имѣла чисто практическое направленіе, если подъ послѣднимъ понимать пользу, приносимую ею стихотворцу. Стихи тогда были необходимостію при всякомъ торжественномъ случаѣ, при побѣдѣ, при табельномъ днѣ, при иллюминаціи. И вотъ, между дѣломъ, въ пылу самой жгучей научной дѣятельности, порываясь создать Науку въ своей родинѣ, Ломоносовъ писалъ стихи на случаи и они вели его къ похваламъ и наградамъ. Это было занятіе чрезвычайно умнаго и образованнаго человѣка, понимающаго потребности общества, его окружающаго. Только тамъ, гдѣ касались его духа возвышенныя красоты священной Поэзіи, съ дѣтства ему знакомыя, гдѣ затрогивали его воображеніе картины суровой сѣверной природы или возвышался могущественный образъ Преобразователя, тамъ — размѣренный и холодный по-

токъ его стиховъ, прерывался строфами, полными чувства и Поэзіи. Едва только великое содержаніе касалось души Ломоносова — онъ становился Поэтомъ. То не были уже должностные стихи и риомы, а голосъ души и онъ часто умѣлъ издавать звуки, исполненные высокой Поэзіи. Въ этомъ Ломоносовъ близко сходенъ съ Пушкинымъ и что-то родственное видится въ образахъ обоихъ поэтовъ, когда говорятъ они о величіи Бога въ его твореніи, о Петрѣ Великомъ, о Русской природѣ..... Есть что-то общее и въ благородныхъ характерахъ ихъ, и въ общей идеѣ жизни обоихъ. Какъ первый посвятилъ всю жизнь свою Наукѣ, такъ второй былъ исключительнымъ жрецомъ Искусства, принося ему въ даръ всѣ стремленія жизни своей, все внѣшнее и все случайное.

Поэзіи не было ни въ длинныхъ одахъ Ломоносова, ни въ холодныхъ трагедіяхъ Сумарокова, да и вообще ея не видно въ Русскомъ XVIII вѣкѣ. Бѣдная внутреннимъ содержаніемъ, хотя и богатая внѣшнею дѣятельностію, жизнь общества, не могла представить элементовъ для нея. За Ломоносовымъ шла толпа подражателей, еще болѣе холодныхъ и надутыхъ чѣмъ онъ и мелкихъ, какъ подражатели. Ни въ скучныхъ, длинныхъ и вялыхъ эпическихъ поэмахъ Хераскова, ни въ напыщенныхъ одахъ Кострова и Петрова, ни въ заимствованныхъ трагедіяхъ Княжнина не видно и признаковъ поэзіи, хотя внимательный взглядъ историка литературы, оцѣнивающаго каждое литературное явленіе по отношенію его ко времени, найдетъ и въ этихъ писателяхъ шагъ впередъ, сравнительно съ стихотворными произведеніями Ломоносова. Дѣйствительный шагъ впередъ, очевидный для всякаго, сдѣланъ былъ въ нашей поэзіи Державинымъ, громкое имя котораго извѣстно каждому Русскому. Его историческое значеніе въ нашей литера-

турѣ, степень и могущество его таланта до сихъ поръ не опредѣлены положительнымъ образомъ. Пушкинъ, мнѣнія котораго о старыхъ дѣятеляхъ Русской литературы часто приводятся современными критиками въ образецъ мѣткости и правильности сужденія, высказался о немъ слѣдующими словами, называя свое мнѣніе *окончательнымъ*: «Этотъ чудакъ не зналъ ни Русской грамоты, ни духа Русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника..... Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ С.*. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ (*)». Это мнѣніе Пушкина, высказанное въ дружеской перепискѣ въ 1825 году, не могло явиться тогда печатно въ такомъ видѣ, ибо рѣзкость сужденія, по тому времени, оскорбила бы на смерть аристарховъ литературы и общественное мнѣніе, хотя послѣднее едва ли слѣдитъ у насъ за колебаніемъ и измѣненіемъ литературныхъ теорій и критическихъ убѣжденій. Въ приговорѣ Пушкина слышится строгій судъ художника—поэта надъ собратомъ. Онъ смотрѣлъ съ чисто артистической точки зрѣнія, забывая время и обстоятельства, въ которыхъ проходила жизнь Державина и которыя не позволили развернуть-

ся вполнѣ его художнической натурѣ. Но и его поэзія была столь же внѣшнею, какъ и вся Русская поэзія въ XVIII вѣкѣ, хотя Русское чувство замѣтитъ въ Державинѣ такіе элементы, какихъ не было у насъ до него. Торжественность оды, часто поддѣльная и холодная, теряетъ уже у Державина широкіе размѣры. Поэтъ не поддерживаетъ уже себя насильственнымъ образомъ въ высокихъ, но за то холодныхъ сферахъ восторга. Его выраженіе дѣлается проще и онъ умѣетъ говорить чисто человѣческимъ языкомъ, воспѣвая человѣческія свойства Фелицы. Струны Державинской лиры часто дрожали отъ суроваго негодованія сатиры, а это соприкосновеніе съ жизнію, вызвавшее энергическое осужденіе, есть великій шагъ впередъ въ Русской поэзіи. Художническая форма была также не чужда душѣ Державина. Часто звуки его выливались въ такую стройную форму, исполненную Поэзіи и красоты, что можно достовѣрно утверждать за Державинымъ право на званіе Поэта — художника. Но художественность созданій была невозможна по времени. Для этого у Державина не доставало воспитанія и образованія, не доставало элементовъ Поэзіи въ обществѣ. Стихи для Державина не были исключительнымъ занятіемъ, которому бы онъ посвятилъ всѣ силы духа. Они почти также, какъ и у Ломоносова писались на извѣстные случаи, писались между дѣловыми бумагами, между обязанностями служебными, стоявшими въ сознаніи Державина выше Поэзіи. Не высоко цѣнилъ онъ самъ Поэзію и разъ, испрашивая милости у Государя, онъ выставлялъ заслугу свою, не въ поэтическихъ созданіяхъ, а въ сочиненіи «Солянаго Устава». Но уже въ немъ достоинство Поэта, гордаго и независимаго по своему званію, сознается нѣсколько выше, нежели у Ломоносова. Въ «Вельможѣ» слышатся тоны дотолѣ неслы-

ханные. Но недостатокъ формы, отъ недостатка содержанія въ обществѣ, бросается всякому въ глаза. Рядомъ съ вдохновенною строфою, пропикнутою силою чувства и Поэзіи, идутъ стихи вялые, безжизненные, пустая декламація безъ чувства. Все какъ-то нестройно и неладно, и дисгармонія мыслей и частей удивительная. Пушкинъ имѣлъ право сказать, что кумиръ Державина $\frac{1}{4}$ золотой и $\frac{3}{4}$ свинцовый. Къ тому же Державинъ никогда не отдавался вполнѣ Поэзіи, подобно Пушкину. Творчество его было совершенно случайно, порывисто, и если послѣдніе годы своей жизни, проведенной имъ большею частію въ знаменитой деревнѣ своей Званкѣ, онъ и посвящалъ исключительно литературнымъ занятіямъ, то на всѣхъ его произведеніяхъ этой эпохи, отъ лиро-эпическихъ пѣсенъ до классическихъ трагедій и драмъ въ мнимо-Русскомъ духѣ лежитъ печать старческой немощи. Державинъ, по условіямъ своей порывистой натуры, какъ будто не додѣланной и неконченной, не могъ развиваться органически, подобно Пушкину, въ жизни котораго всякая послѣдующая эпоха была выше предшествовавшей, приносила созданія все полнѣе и совершеннѣе.

Вѣкъ XVIII прошелъ для Россіи, не только въ одной литературѣ, но и въ общественной жизни, въ подражаніи чужимъ формамъ, представляемымъ Европою. Тамъ была уже вполнѣ развитая литературная дѣятельность, когда у насъ не было еще никакой потребности въ литературѣ. Всѣ наши поэты и писатели этого вѣка, который для Россіи былъ только зарею новой жизни, представлялся вѣкомъ молодымъ, а въ Европѣ былъ уже отжившимъ старикомъ, саркастически резонирующимъ на развалинахъ прошлаго, были подражателями литературнымъ знаменитостямъ Европы. Это подражаніе ставили они себѣ въ заслугу, и безъ апелляціи преклоня-

лись предъ чужими авторитетами, особенно Французскими. У насъ литературой занимались большею частію люди высшаго сословія, а въ этомъ кругу Французскій языкъ и Французская литература были общеупотребительными. Костровъ кажется былъ единственнымъ исключеніемъ, да и тотъ выучился Французскому языку; одинъ только Майковъ не зналъ ни одного Европейскаго языка. Готовыя, развитыя формы, богатое содержаніе чужой жизни, проходя чрезъ легкую, изящную и всѣмъ доступную среду Французскаго языка, должны были соблазнить нашихъ писателей, и почти всѣмъ имъ, болѣе или менѣе принадлежитъ званіе подражателей Были даже такіе, которые ставили себѣ за честь подражать доморощеннымъ геніямъ. Но литература, какъ живое, развивающееся содержаніе не могла остаться однимъ подражаніемъ. Постепенно вырабатывались въ ней свои собственныя начала, пока они, въ послѣднее время, при Пушкинѣ, не выдвинулись на первый планъ. Въ сатирическихъ произведеніяхъ нашей литературы, съ самыхъ первыхъ поръ ея существованія въ новой Россіи, обращеніе къ собственнымъ началамъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, было необходимымъ условіемъ самой сатиры, ибо она всегда имѣла близкое отношеніе къ жизни. Въ другихъ родахъ творчества поэтическаго такое явленіе не столь замѣтно. Но уже въ XVIII вѣкѣ въ самой исторіи подражаній видимъ большой успѣхъ. Въ ней замѣтно развитіе, особенно въ концѣ вѣка. Между произведеніями псевдо-классической трагедіи, совершенно перссаженными къ намъ изъ Франціи, начинаетъ проявляться такъ называемая тогда *слезная драма*; Малербъ, Боало и Ж. Б. Руссо уступаютъ свое мѣсто Вольтеру; холодный и вялый Готшедъ смѣняется Клопштокомъ, въ которомъ слышится уже на-

родный Германскій духъ. Державинъ переводитъ наконецъ Шиллера, хотя въ его «Дѣвѣ за арфою», передѣланной въ старую, классическую форму, нельзя узнать романтической пьесы послѣдняго. Самая поэзія Державина, оставаясь вполнѣ вѣрною духу XVIII вѣка, гораздо шире по размѣрамъ своимъ, гораздо глубже по содержанію всего предшествовавшаго. Въ ней мы найдемъ и отголоски древне-Греческой музы, въ которыхъ слышится художественная натура Державина. Въ ней же наконецъ мы видимъ и народныя начала, выраженныя прямо и съ участіемъ. Державинъ замыкаетъ собою исторію нашей поэзіи въ XVIII вѣкѣ. Въ его произведеніяхъ отразилось наше общество того времени, со всѣми своими дурными и хорошими сторонами, съ блескомъ двора Екатерины II, съ громкими побѣдами нашихъ арміи и флота, съ неслыханными пирами вельможъ, со всею мраморною славою и мѣдными хвалами, по выраженію Пушкина. Величіе и слава настоящаго постоянно настроивали лиру Державина на торжественный ладъ. Рѣдко спускался онъ на землю, воспѣвая эту блестящую внѣшность и потому-то въ немъ такъ много общаго съ Ломоносовымъ, хотя онъ далеко ушелъ впередъ отъ послѣдняго, по разнообразію формы. Онъ исчерпалъ кажется всѣ элементы Поэзіи, доступные его вѣку, не сознавая еще, что пора громкихъ одъ и торжественнаго восторга миновалась невозвратно, что есть начала новыя, до которыхъ не дотрогивались еще, что есть струны сердца, которыя не звучали еще. Явилось новое направленіе, новое содержаніе въ литературѣ, но оно не оживило старика Державина, который остался вѣренъ Ломоносовскимъ преданіямъ.

III.

Это новое направленіе, столь животворно дѣйствовавшее въ нашей литературѣ, давшее ей новое, богатое содержаніе, давшее ей иной языкъ и слогъ, нашло блестящаго представителя въ Карамзинѣ, именемъ котораго называется цѣлый періодъ Русской литературы. Въ Карамзинѣ заключались всѣ данныя для того, чтобы двинуть впередъ литературу. Талантъ его былъ именно такого свойства, чтобъ дѣйствовать на массу. Поэтъ, журналистъ, беллетристъ и историкъ, онъ посвятилъ всю жизнь свою благородной дѣятельности слова; онъ первый у насъ высоко поставилъ званіе писателя, исключительно занимаясь литературою. Его изданія, переводы и повѣсти образовали многочисленную публику читателей, которой давно уже надоѣли напыщенныя оды и холодныя трагедіи, почти исключительно наводнявшія Русскую литературу того времени. Въ этомъ отношеніи заслуга Карамзина равняется заслугѣ Новикова, другого знаменитаго литературнаго дѣятеля нашего въ XVIII вѣкѣ, которому самъ Карамзинъ такъ много былъ обязанъ въ своей молодости. Подобно ему, Карамзинъ, подъ конецъ жизни, составлялъ свѣтлое средоточіе, вокругъ котораго собирались друзья его юности: Дмитріевъ, Жуковскій и Тургеневъ, и приходили учиться молодые люди, едва начинавшіе литературное поприще свое. Въ жизни Карамзина было такъ много свѣта, любви и чувства, что онъ внушалъ къ себѣ самыя чистыя привязанности...

Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ....

говоритъ объ немъ Жуковскій, вспоминая свои отношенія къ Карамзину. Пушкинъ не однимъ своимъ Борисомъ Годуновымъ,

этимъ совершеннѣйшимъ созданіемъ Русской поэзіи, былъ обязанъ Карамзину. Онъ, какъ извѣстно, спасъ его отъ многаго горькаго въ жизни, о чемъ Пушкинъ благодарно вспоминалъ до конца своей жизни. Прекрасно заслужить такую человѣческую славу писателю, независимо отъ заслугъ чисто литературныхъ.

Заслуга Карамзина заключалась въ томъ новомъ содержаніи, которое онъ далъ въ своихъ сочиненіяхъ Русской литературѣ. Постепенно вырабатывалось это новое содержаніе въ обществѣ, которое шло не останавливаясь въ своемъ развитіи. Карамзинъ вполнѣ является выразителемъ этого новаго направленія. Конецъ XVIII вѣка въ Европейскихъ литературахъ отличался особеннымъ сентиментальнымъ, идиллическимъ направленіемъ, преимущественно въ литературѣ Французской. Такое явленіе мало соотвѣтствовало жизни общества, приближавшагося къ страшной катастрофѣ, потрясшей его въ основаніяхъ. Это была тишина передъ бурею. Фонтенель и Мадамъ Дезульеръ, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ и Мармонтель писали свои идилліи и нѣжныя повѣсти, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, не заботясь о настоящемъ. «Новая Элоиза» Руссо, не смотря на огромный талантъ своего автора, принадлежала также къ этому роду произведеній, хотя въ ней слышится уже неподдѣльное чувство. Романы Ричардсона принадлежатъ также къ этому направленію и у насъ имѣли большое вліяніе на публику въ безчисленныхъ переводахъ и подражаніяхъ. Напыщенность въ одахъ и трагедіяхъ уступила мѣсто этому болѣе живому содержанію. Но не смотря на всѣ достоинства свои, это новое направленіе въ литературѣ представляется также чѣмъ-то поддѣльнымъ и неестественнымъ. Чувство здѣсь было только чувствительностію; дѣйствительное выраженіе сердца и страсти — нѣсколько

холодною и приторною сентиментальностію. Въ нашей литературѣ, такое направленіе, не смотря на ложь свою, было исторически необходимо и полезно. Этотъ моментъ въ ней былъ отрицаніемъ предшествовавшаго. Онъ былъ большимъ шагомъ впередъ отъ чисто внѣшнихъ, напыщенныхъ воспѣваній, вызывая жизнь сердца, далекую впрочемъ отъ дѣйствительности. Карамзинъ былъ представителемъ этого направленія и всѣ его произведенія, какъ прозаическія такъ и поэтическія, проникнуты одною мыслію. Онъ искалъ сердца и чувства вездѣ. Разсказывалъ ли онъ со слезами судьбу Лизы, или передавалъ повѣсть о Борнгольмскомъ безумномъ, или выводилъ на сцену двухъ несчастныхъ любовниковъ Испанскихъ, вездѣ онъ оставался вѣренъ своему направленію. Не смотря на пустоту содержанія, не существовавшую однакожь тогда, эти созданія пришлись вполнѣ по вкусу того времени и общество съ жадностію зачитывалось ихъ. Напрасно мы будемъ искать въ нихъ народныхъ красокъ и изображенія дѣйствительности, напрасно мы будемъ требовать отъ нихъ художественной формы и выраженія. Все это было невозможно для того времени. Бѣдная Лиза, Юлія, Наталья Боярская дочь, Эльвира и Эмилія въ »Героѣ нашего времени« не принадлежатъ никакой опредѣленной національности, не носятъ на себѣ рѣзкихъ чертъ, разграничивающихъ одну ступень общества отъ другой. Все это созданія идеальныя, но въ нихъ есть одна общая идея, связывающая ихъ—чувство, или чувствительность. Въ чертахъ духовной физіогноміи героевъ и героинь Карамзина слышится человѣческое чувство, о чемъ не было помину до него въ нашей литературѣ, приносившей обществу свои холодныя, безжизненныя созданія. Карамзинъ первый заговорилъ о человѣкѣ, о чувствѣ, о жизни сердца. Онъ, по его собственнымъ

словамъ, хотѣлъ быть прежде человѣкомъ, а потомъ уже Русскимъ. Нельзя поэтому обвинять его въ ненаціональности созданій. Народность въ литературѣ является тогда, когда общество достигнетъ сознанія, когда народъ воспитается, когда вслѣдствіе исторической жизни, изъ общихъ человѣческихъ свойствъ, принадлежащихъ равно всѣмъ народамъ, въ какихъ бы широтахъ и долготахъ ни развивалась ихъ историческая жизнь, не выдѣлятся особенныя свойства народнаго, исключительнаго характера, не похожія на другія. Каждый народъ носитъ на себѣ яркіе знаки отдѣльной жизни, наложенные рукою Провидѣнія и развивающіеся жизнію, но каждый народъ принадлежитъ всему человѣчеству. Чисто народныя черты физіогноміи, особенности, выступаютъ уже тогда, когда народъ созналъ свое отдѣльное историческое значеніе, когда яркими событіями вписалъ онъ имя свое на страницы исторіи. У племенъ, находящихся въ младенческомъ состояніи развитія не можетъ быть народности, какъ мы понимаемъ ее. Какъ въ исторіи, такъ и въ литературѣ, народность является гораздо позднѣе. Нужно было воспитаться въ обществѣ чувству человѣческаго достоинства, а потомъ могло уже оно любоваться народными созданіями, выросшими на его собственной землѣ. Подобно тому, какъ сначала нужно быть человѣкомъ, а потомъ уже воиномъ, гражданскимъ чиновникомъ, поэтомъ, учителемъ, такъ прежде общество должно развить въ себѣ человѣческое достоинство, а потомъ уже гордиться національными особенностями. Поэтому, на долю Карамзина выпало завидное званіе быть въ литературѣ воспитателемъ человѣческаго чувства въ обществѣ, какъ Пушкинъ былъ воспитателемъ чувства художественнаго. Послѣ Карамзина могли явиться и народно-простодушныя созданія Крылова и величавые, со всею глубиною Русскаго чувства,

образы Пушкина. Безъ него такія явленія не связывались бы съ предшествовавшимъ развитіемъ литературы и были бы необъяснимы. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Карамзинъ является представителемъ человѣческаго сердечнаго чувства. Вотъ почему и содержаніе его произведеній гораздо глубже, гораздо многостороннѣе всѣхъ предшествовавшихъ литературныхъ явленій. Ни на одномъ прежнемъ писателѣ нашемъ не отразилось такъ могущественно вліяніе Европейскихъ литературъ, какъ на Карамзинѣ. Перечтите его »Письма Русскаго путешественника« и вы увидите въ нихъ всѣ его симпатіи и антипатіи, и первыхъ гораздо больше, сравнительно съ послѣдними, ибо онъ особенно отличался любовію ко всему. Тутъ нѣтъ того рѣзкаго, желчнаго тона, которымъ проникнуты страницы »Писемъ изъ за границы« — Фонъ-Визина, тутъ нѣтъ его непримиримаго, охуждающаго взгляда и несправедливыхъ выходокъ противъ славныхъ именъ Науки и Словесности. Взглядъ Карамзина вполнѣ примирительный, и вотъ почему онъ, даже въ Парижѣ 1790 года, оставался вѣренъ своимъ задушевнымъ идеямъ, вѣренъ религіи чувства, наполнявшей всю жизнь его. Онъ не видѣлъ бездны, разверзающейся подъ его ногами.....Русская публика въ произведеніяхъ Карамзина, особенно въ »Письмахъ« его, познакомилась съ новыми, дотолѣ неизвѣстными ей представителями Европейскихъ литературъ. Карамзинъ разсказывалъ про свои свиданія и бесѣды съ Виландомъ, Кантомъ, Шиллеромъ и Гёте. Еще прежде, до путешествія, онъ перевелъ »Юлія Цезаря« изъ Шекспира и первый познакомилъ насъ съ этимъ славнымъ именемъ. Послѣ него понятно, какимъ образомъ Жуковскій могъ внести въ нашу поэзію новый элементъ романтизма, принадлежавшій Германскому духу и впервые появившійся въ Нѣмецкой литературѣ ..... Журналы Карамзина,

издаваемые имъ по возвращеніи изъ за границы, были органами его вліянія на читателей. Карамзинъ первый пустился въ политическія обозрѣнія и помѣщалъ критическіе обзоры событій въ »Вѣстникѣ Европы«, которые выражали собою народное чувство, возбужденное начальными войнами съ Наполеономъ. Кромѣ того журналы Карамзина знакомили публику съ многостороннею жизнію Европы. Ея науки, искусства и литература находили себѣ въ немъ краснорѣчиваго истолкователя. Въ журналахъ его впервые также появились статьи чисто критическаго содержанія, которыхъ не было у насъ до него. Онъ былъ основателемъ нашей критики и положилъ дорогу Жуковскому, Макарову, Дашкову и другимъ своимъ современникамъ. Правда, его критика истекала изъ того же источника, который видѣнъ во всѣхъ его произведеніяхъ, а именно изъ чувства, личнаго и безотносительнаго, правда и то, что мы далеко ушли впередъ отъ критическихъ убѣжденій Карамзина, но заслуга его несомнѣнна. Его собственное литературное положеніе, новая форма слога и языка, принесенная имъ въ литературу, вмѣстѣ съ содержаніемъ, борьба старыхъ началъ съ новыми, возбудили жаркую критическую дѣятельность, длившуюся нѣсколько лѣтъ и бывшую не безъ послѣдствій въ исторіи Русской литературы. Къ защитникамъ Карамзинскихъ нововведеній принадлежалъ и молодой Пушкинъ, вмѣстѣ со всѣмъ живымъ и дѣятельнымъ въ нашей литературѣ. Появленіе »Исторіи Государства Россійскаго« было рѣшительнымъ торжествомъ Карамзинскихъ идей и началъ, возбужденныхъ имъ въ Русской литературной дѣятельности. Вслѣдъ за могущественными событіями войны 12 года, вслѣдъ за громомъ побѣдъ и свѣжею славою Русскаго имени въ Европѣ, эта книга имѣла огромное вліяніе. Но ея появленіе принадлежитъ уже ко времени литературной

дѣятельности самаго Пушкина, а потому о значеніи ея вообще и въ особенности для генія великаго поэта нашего мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Такова была заслуга Карамзина по отношенію къ внутреннему содержанію нашей литературы, увеличенной имъ въ объемѣ, расширенной новыми благородными началами. Такое новое содержаніе требовало и новой формы выраженія. Прежде, при чисто внѣшнемъ стремленіи нашей литературы, можно было довольствоваться тѣми условными формами, которыя будучи принесены изъ Европы, получили у насъ право гражданства. Ѣдкая сатира друга и товарища въ жизни и литературѣ Карамзину - Дмитріева убила окончательно форму оды. Драма, съ своей стороны, нанесла тяжкіе удары классической трагедіи, гдѣ являлись подъ именами героевъ жалкія созданія декламаціи и реторики. Новое содержаніе, принесенное Карамзинымъ въ литературу, требовало и новой формы и онъ представляется у насъ нововводителемъ формы повѣсти и романа, которыхъ не было у насъ до него. Повѣсть вполнѣ удовлетворяла новому содержанію; въ ней свободнѣе и шире могла развернуться игра сердечнаго чувства и въ ней только могла найти убѣжище простая жизнь, выводимая на сцену. Безспорно, что форма повѣстей Карамзина далека отъ той простой, но художественной формы повѣсти и историческаго разсказа, какія далъ намъ Пушкинъ, но не надобно забывать время ихъ появленія и необходимо отличать *чувствительность* Карамзина отъ глубокаго *чувства* Пушкина. Форма Карамзина — вообще легкая, приличная содержанію. Въ его стихотвореніяхъ тотъ же простой и естественный складъ рѣчи, какой и въ повѣстяхъ. Заслуга Карамзина особенно достойна глубокаго уваженія по той реформѣ Русскаго слога и языка, какую

произвелъ онъ своими сочиненіями въ нашей литературѣ, освободивъ прозаическую и стихотворную рѣчь отъ тяжелыхъ церковно-Славянскихъ оборотовъ, которыми со времени Ломоносова щеголяли наши поэты и писатели, считая эту церковно-Славянскую печать на своихъ произведеніяхъ — признакомъ величія и поэзіи. Карамзинъ первый очистилъ слогъ нашъ отъ этой нестройной пестроты и заговорилъ простымъ человѣческимъ языкомъ, особенно идущимъ къ тому элементу сентиментальности и чувствительности, который онъ выражалъ въ литературѣ. Какъ въ этой чувствительности не могло быть силы и дѣйствительности, какъ въ ней мы видимъ только переходное направленіе, переходное явленіе въ жизни общественной, такъ и отъ слога Карамзина нельзя требовать силы и крѣпости, которыхъ съ такою легкостію достигнулъ Пушкинъ, выразитель опредѣленныхъ и твердыхъ началъ въ литературѣ. Въ слогѣ Карамзина, при всѣхъ его прекрасныхъ достоинствахъ, чувствуется что-то чужое, не Русское и односторонніе нападки на Карамзина Шишкова и его послѣдователей заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины. Но заслуга Карамзина чрезвычайно важна. Безъ нея не могло бы быть никакого дальнѣйшаго движенія въ нашей литературѣ, безъ нея не могъ бы явиться Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ. Они не могли быть нововводителями, или вслѣдствіе условій своей природы и развитія, или вслѣдствіе односторонняго направленія.

То, что проповѣдывалъ въ прозѣ Карамзинъ, то выражалъ стихами Дмитріевъ. Его поэтическія произведенія, его сказки, написанныя простымъ и яснымъ языкомъ, его пѣсни, вполнѣ проникнутыя нѣжностію сентиментальнаго чувства, безъ миѳологическихъ прикрасъ и безъ торжественности, имѣютъ чрезвычайно важное

значеніе въ нашей литературѣ. Простая форма ихъ важна исторически, а чувство, дышущее въ нихъ, кажущееся теперь намъ нѣсколько приторнымъ, было отраднымъ явленіемъ послѣ громогласнаго *одопѣнія*. Но и Дмитріевъ и Карамзинъ заплатили дань вѣку и не вполнѣ могли отрѣшиться отъ прежнихъ вліяній въ литературѣ, хотя многое послѣ нихъ сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ. Это были двѣ натуры, дѣйствовавшія въ чисто переходную эпоху, а потому отразившія въ себѣ вліяніе стараго и предчувствіе будущаго. Вотъ почему многіе изъ послѣдователей Карамзина, какъ напримѣръ Капнистъ, Озеровъ, В. Пушкинъ, заимствуя отъ него форму своихъ произведеній, усвоивая болѣе или менѣе его языкъ, во многомъ другомъ оставались вѣрны преданіямъ до-Карамзинской эпохи. По той же причинѣ и Карамзинъ писалъ холодныя оды, какъ было то въ старину. Но молодая Русская словесность развивалась чрезвычайно органически. Вообще всякое явленіе въ ней всегда можно, при болѣе внимательномъ изученіи, связать съ предшествующимъ и послѣдующимъ, и историческая важность Карамзинской эпохи получаетъ въ глазахъ критика огромное значеніе: во время Карамзина является уже сознаніе, что литература есть одна изъ необходимыхъ сторонъ государственной жизни, что она необходима ей, какъ армія и флотъ, что занятіе литературою гораздо болѣе почтенно, нежели забавно, что она есть дѣло, а не пріятное препровожденіе времени, веселая игра, отъ нечего дѣлать, отъ лишняго досуга. Званіе писателя, столь униженное въ вѣкѣ предшествовавшемъ, когда поэтъ и комедіантъ часто были синонимами, со временъ Карамзина получило почетное мѣсто въ общественной іерархіи. Прежде званіе поэта было званіемъ побочнымъ. Большая часть поэтовъ, по словамъ Дмитріева были:

..... »Лейбгвардіи капралъ,
Ассессоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ Кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ-народъ все нужный, должностной«.....

Созданія ихъ являлись вслѣдствіе разныхъ, чисто внѣшнихъ побужденій, постороннихъ для литературы. Дмитріевъ продолжаетъ:

»Къ тому-жь, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! Онъ — онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль-награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцеслова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ« (*).

Карамзинъ создалъ и публику и званіе писателя. Онъ трудовою своею жизнію, посвященною уединеннымъ подвигамъ слова, доказалъ, что можно быть истиннымъ гражданиномъ земли своей, служа ей перомъ и всю жизнь преслѣдуя исключительно только литературныя цѣли.

Въ Русской литературѣ Карамзинъ былъ провозвѣстникомъ освобожденія ея отъ условій ложнаго Французскаго классицизма, подъ гнетомъ которыхъ она долго находилась. Но ни онъ, ни его послѣдователи, не могли совершенно исполнить этого великаго дѣла, потому только, что выбрали ложную дорогу и отыскивали вездѣ чувство, которое никогда не можетъ быть источникомъ глубокихъ художественныхъ созданій, особенно будучи такъ превратно понято.

У насъ отразилась та измельчавшая Французская словесность, которая слѣдовала за громкими именами классическаго вѣка Людовика XIV, и начало XIX вѣка у насъ представляется пустынею, гдѣ мы не встрѣчаемъ ни одного явленія, ярко выступающаго передъ другими. Пушкинъ, въ своихъ наскоро набросанныхъ замѣткахъ, такъ характеризуетъ это время Русской словесности, время ничтожныхъ подражателей Карамзина: »Ничтожество общее, Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, Mme Жанлисъ овладѣваютъ Русской словесностью« (7). Къ этому надобно присоединить ту неподвижность теоретическихъ и критическихъ воззрѣній, которая и у насъ, какъ и вездѣ, существовала долго и упорно отстаивая старыя формы, мѣшала свободному появленію новыхъ началъ. Кумиръ Хераскова, напримѣръ, впервые былъ потрясенъ критикою Мерзлякова въ 1815 году, что казалось тогда отчаянною смѣлостью. До того времени онъ пользовался славою, въ которой никто не смѣлъ сомнѣваться. Условныя мелкія формы замѣняли все. Образцами считались и Дюсисъ и Делиль и Жуи и Мармонтель, а кодексомъ теоретическихъ воззрѣній былъ »Лицей« Лагарпа. Общество наслаждалось мелкими драмами Коцебу, самаго знаменитаго писателя того времени и зачитывалось безчисленныхъ и безконечныхъ романовъ Августа Лафонтена, госпожъ Радклифъ и Коттень и Дюкре-Дюмениля. Ни одного пышнаго цвѣтка не подымалось въ этой печальной степи. О Германской литературѣ, которая получила такое обширное развитіе въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка и вмѣстѣ съ именами Лессинга, Гердера, Шиллера и Гёте поднялась на ступень обще-че-

ловѣческой литературы, не знать которую стыдно всякому образованному человѣку, не было у насъ ни слуху. Цѣлый міръ могучихъ идей былъ закрытъ для нашей словесности, когда почти въ одно время съ тѣмъ, какъ Mme Сталь въ первый разъ объявила Франціи о существованіи литературной Германіи, мечтательный и молодой Жуковскій познакомилъ насъ съ ея поэзіею.

IV.

Нѣмецкая литература по преимуществу носитъ характеръ космополитизма. Особенными свойствами ея могутъ назваться человѣчность содержанія и примиреніе разнородныхъ началъ. Германія, поставленная природою и исторіею между разнообразными и часто враждебными народными началами, представляетъ цѣлый міръ идей, которому доступно умственное достояніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Всеобъемлющая поэзія Гёте, этого прототипа Германскаго духа, отозвалась кажется на все, что только доступно человѣку и въ природѣ и въ области творчества человѣческаго. Въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка въ Германіи началось такое умственное движеніе, какого не представляетъ ни одна Европейская литература. Философія и Поэзія шли рядомъ другъ съ другомъ, восполняя другъ друга и имена: Лессинга, впервые освободившаго Нѣмецкую литературу отъ Французскаго вліянія и давшаго ей самостоятельную національную жизнь, Гердера, Шиллера и Гёте, какъ и имена творцовъ философскихъ системъ, стройно развивающихся одна изъ другой: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, сдѣлались именами обще-Европейскими. Политическій переворотъ во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, быстрыя завоеванія Французовъ и наконецъ войны

Наполеона дали огромный толчекъ развитію народнаго духа въ Германіи, сознанію самостоятельности и должны были отразиться и въ умственной сферѣ. Здѣсь-то, въ первый разъ, въ эту пору появляется названіе *романтизма* и *романтической школы*, которымъ такъ часто и такъ много злоупотребляли критики, особенно Русскіе. Романтизмъ, какъ современная идея въ литературѣ, долженъ былъ возникнуть совершенно необходимымъ и естественнымъ образомъ. Это была реакція противъ классическаго развитія, начатаго въ вѣкъ Возрожденія и Реформаціи, въ условіяхъ котораго жила до тѣхъ поръ Германія, это было признаніе правъ національности, народныхъ началъ, отодвинутыхъ въ глубь вѣковъ исторіею. Романтизмъ поэтому есть общая идея и приписывать ему многое, ставить его принципомъ Искусства вообще, какъ дѣлали это наши критики, едва только узнавшіе о существованіи его, также нелѣпо, какъ заставлять напримѣръ писать Пушкина пьесы только въ антологическомъ родѣ. Романтизмъ въ Германіи, какъ всякое противо-историческое движеніе, имѣлъ только эфемерное существованіе и возвышенный усиліями Новалиса, братьевъ Шлегелей и другихъ, онъ образовалъ было цѣлую школу Искусства, которой заплатили дань даже великіе таланты Шиллера и Гёте, особенно перваго. Эта школа не имѣетъ теперь почти представителей въ Германіи и здравая Нѣмецкая критика ожесточенно преслѣдуетъ романтическія теоріи Искусства. Но въ ту пору, какъ реакція противъ классицизма, надоѣвшаго всѣмъ, какъ признаніе народныхъ началъ, романтизмъ заслуживалъ полнаго уваженія, особенно по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на возрожденіе народныхъ литературъ у сосѣдственныхъ народовъ. Онъ открылъ цѣлый міръ Искусства, незнаемый или забытый до того времени, онъ разширилъ предѣлы Искусства. Какъ

вся литература Германіи, такъ и романтизмъ ея отличался космополитическимъ характеромъ. Романтическіе писатели Германіи познакомили ее съ произведеніями литературъ Англійской, Итальянской, Испанской, Португальской, даже сѣверныя литературы не были забыты ими, даже въ глубину Индѣйской мудрости проникли пытливыя изслѣдованія Шлегеля. Въ этомъ заключается самая существенная заслуга романтизма. Но преимущественною страною, куда направлены были всѣ задушевныя стремленія романтиковъ, былъ міръ Среднихъ вѣковъ, закрытый до сихъ поръ классическимъ воспитаніемъ и реформаціонѣымъ движеніемъ, враждебнымъ средне-вѣковому романтизму, на почвѣ котораго выросъ католицизмъ. Вотъ почему, увлекаясь Средними вѣками, Шлегель и Штольбергъ совершенно послѣдовательно обратились въ католицизмъ. Признаніе историческихъ правъ за Средними вѣками совершенно справедливо, но возрожденіе началъ минувшей жизни, даже въ мірѣ Искусства ложно до крайности. Трудно мужу, искусившемуся жизнію, начать снова мечтательную жизнь юноши, увлекаться вновь давно разлетѣвшимися идеалами, плакать по прежнему горячими слезами молодости. Его положеніе будетъ и ложно и смѣшно. Какъ человѣкъ не возвращается на обратный путь жизни, такъ и народъ не въ состояніи воротить своего минувшаго, отжившихъ и вымершихъ началъ. Среднія вѣка были юношескою порою Европейскаго человѣчества; они необходимы были для его воспитанія. Здѣсь, какъ въ юности человѣка, все было нестройно, все было неопредѣленно. Благородный порывъ рыцарскаго уваженія къ женщинѣ, забытой и презрѣнной древнимъ міромъ, смѣнялся грубыми увлеченіями феодальной силы; поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ, вся проникнутая стремленіями сердца, раздавалась въ замкахъ бароновъ, передъ которыми дрожали

толпы жалкихъ вассаловъ. Самое чувство въ Среднихъ вѣкахъ не имѣло опредѣленныхъ и точныхъ границъ; оно было порываніемъ къ чему-то незнаемому и неясно сознанному. Личности человѣка открывался широкій произволъ и вотъ почему почва Среднихъ вѣковъ была такъ плодотворна для Поэзіи. Средніе вѣка имѣли свою собственную могучую поэзію въ гигантской эпопеѣ Данта, которая можетъ быть названа апоѳеозою Среднихъ вѣковъ. Суровый Флорентинецъ заключилъ въ широкихъ рамахъ своей поэмы все, что составляло сущность этой исторической эпохи. Въ ней и борьба свѣтской и духовной власти, составлявшая большею частію всю исторію Среднихъ вѣковъ; въ ней и энергическія личности Гвельфовъ и Гибеллиновъ, уносившихъ даже въ могилу свои земныя страсти и политическія убѣжденія; въ ней и нѣжная, мечтательная, безъ всякаго вожделѣнія и раздѣла, любовь къ Беатриче; въ ней и наука Среднихъ вѣковъ, въ которой ясныя и опредѣленныя категоріи Аристотелевой логики встрѣчаются съ туманнымъ мистицизмомъ схоластиковъ. Цѣлый міръ Среднихъ вѣковъ, не смотря на дѣйствительную нестройность и безурядицу свою, возникаетъ волшебнымъ образомъ передъ читателемъ въ звучныхъ и гармоническихъ терцинахъ Данта. Поэзія же новой романтической школы взяла изъ жизни Среднихъ вѣковъ только то, что доступно нашему времени, взяла идеальную сторону жизни, отбросивъ историческую основу. Больше всего она разработала чувство, неопредѣленное и неясное, лишенное всякой реальности, но прекрасное, какъ юношескій порывъ, какъ легкій куполъ готическаго собора, стрѣлою или молитвою улетающій въ небо. Поэтамъ-романтикамъ не было дѣла до того, что чувство, застывшее въ формѣ порыва, не есть человѣческое чувство, что въ немъ нѣтъ дѣйствительности. Но о

дѣйствительности и реальности имъ некогда было думать. Земля уходитъ изъ подъ ногъ: открываются безпредѣльныя, безграничныя пространства. Передъ нами развертываются фантастическія равнины, освѣщенныя блѣдными лучами луны. Едва виднѣются на нихъ башни рыцарскихъ замковъ, безъ рѣзкихъ очертаній, чуть прорѣзываясь въ туманномъ воздухѣ и отражаясь въ волнахъ соннаго озера. Вдали—полуразрушенная готическая колокольня, подъ сѣнію ивъ, на которыхъ качаются свѣтлые бѣлокурые Эльфы, съ простодушной улыбкой смотрящіе на каменные кресты кладбища. По кладбищу бродитъ мечтательная *дѣва*, тонкая и стройная какъ лилія, блѣдная какъ лучь луны. Она поетъ пѣсню, грустную и однообразную, какъ звуки Эоловой арфы, какъ звонъ по покойникѣ. Она ждетъ возлюбленнаго, который бьется далеко, далеко, подъ стѣнами святаго города, во славу красоты ея, въ честь ея голубыхъ глубокихъ очей. И вотъ передъ нею, на лазурномъ небѣ, подымается знакомая, милая сердцу тѣнь. *Онъ*—въ бѣлой мантіи, съ краснымъ крестомъ на груди и съ черною раною подъ крестомъ. Его руки опущены, уста недвижно скованы смертію и только во взорѣ блеститъ нѣжный пламень любви, мечтательно пережившій земныя страданія. Тоскующая красавица рвется за возлюбленною тѣнью, въ ту незнакомую, но милую сторону, гдѣ нѣтъ разлуки и страданія. Она такъ воздушна, что кажется улетитъ сейчасъ и безъ крыльевъ, но земля удерживаетъ ее и она падаетъ полумертвая у ногъ милаго ей видѣнія. Это на землѣ, а подъ землею какая фантастическая жизнь! Царь Гномовъ, въ блестящей коронѣ изъ алмазовъ и изумрудовъ, сидитъ на престолѣ; передъ нимъ вьются маленькіе Гномы, владѣтели сокровищъ, зарытыхъ въ нѣдрахъ земли. Въ волнахъ моря плаваютъ нѣжныя, тоскующія по душѣ Ундины

и со струнами Эоловой арфы въ воздухѣ играютъ шаловливые Сильфы. Таковъ міръ романтической поэзіи.

Въ этотъ фантастическій, волшебный міръ романтической поэзіи, исполненный грезъ и очарованія, перенесъ нашу поэзію Жуковскій. Его душа какъ будто настроена была къ воспріятію этого міра и къ усвоенію его себѣ. Рано постигнувшій прелесть звуковъ Германской поэзіи, Жуковскій посредствомъ ихъ познакомилъ насъ съ поэзіею отдаленныхъ вѣковъ и народовъ. Его муза облетѣла цѣлый міръ, собирая вездѣ, какъ пчела, медъ съ разнообразныхъ цвѣтовъ Поэзіи и передавая намъ звуки, родственные душѣ его. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ воспріимчивыхъ талантовъ, которые не творятъ новыхъ путей въ Искусствѣ, но принимаютъ въ себя все то, что находитъ созвучіе въ ихъ сердцѣ. Такіе таланты не блестятъ нововведеніями, но чрезвычайно полезны. Вслѣдствіе условій натуры своей, они бываютъ постоянно настроены на одинъ ладъ и передаютъ своими звуками только то, что гармонируетъ съ этимъ ладомъ. Поэтому Жуковскій оставался всегда вѣренъ себѣ, въ какую бы отдаленную и противоположную другой сторону ни увлекъ его геній Поэзіи. Передаютъ ли звуки его, полные суровой поэзіи Феодальнаго быта, романсы о Сидѣ, или воспѣваютъ мистически - страстную, таинственную какъ природа Индіи любовь Наля и Дамаянти, или пересказываютъ простую и ясную сказку древняго Гомера, изображающую свѣтлую младенческую пору человѣчества, они звучатъ какъ то однообразно, какъ тоны Эоловой арфы. На все онъ смотритъ подъ однимъ угломъ зрѣнія. Вся поэзія его была безпрерывнымъ, неумолкаемымъ порывомъ отъ земли къ небу, унылою тоскою души по миломъ и невозвратномъ быломъ, грустію по далекому, незнаемому небу. Рано полюбилъ Жуковскій роман-

тическихъ поэтовъ Германіи и перенесъ въ Русскую поэзію ихъ гармоническихъ, увлекательныхъ звукахъ всю таинственную прелесть міра, созданнаго ими, этотъ полу-мракъ, полу-свѣтъ, гдѣ все неясно и неопредѣленно, но гдѣ все говоритъ сердцу, эти видѣнія, эти звуки невѣдомо откуда несущіеся и манящіе въ туманную даль, эту любовь робкую и несчастную, съ мечтою о соединеніи— *тамъ*. Земныя радости и земныя страданія не могли вдохновить Жуковскаго. Его счастіе было не на землѣ, и онъ самъ въ стихотвореніи своемъ »къ Филалету« разсказываетъ неудавшуюся повѣсть своей юности и заставляетъ вѣрить, что эта неудача навсегда отозвалась тоскующими звуками въ его поэзіи:

»Къ младенчеству ль душа прискорбная летитъ,
Считаю ль радости минувшаго — какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И чтоже!.... предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь .... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье« (*).

Эта постоянная скорбь о минувшихъ радостяхъ, которая такъ часто встрѣчается въ поэзіи Жуковскаго есть

»Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится« (*).

Отъ того счастье, говоря словами Жуковскаго, »видится въ отдаленьи.« Это невѣдомое, *магическое тамъ* есть та *страна очарованья*, по которой тоскуетъ поэтъ. Его блаженство

.....« тамъ
За синевой небесной,
Въ туманной сей дали —
Тамъ все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребій твой,
Какъ призракъ оживленной,
Мелькаетъ предъ тобой« ([10]).

Тамъ вознаградятся и забудутся всѣ земныя страданія человѣка. Туда душа перенесетъ — любовь и образъ милой. Тамъ, въ этой мечтательной загробной странѣ, унылый пѣвецъ Минваны, безотвѣтно и робко любившій прекрасную дочь Морвенскаго владыки вѣритъ своему соединенію съ возлюбленною. Онъ говоритъ ей:

»Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой« ([11]).

Этотъ таинственный, загробный міръ связанъ однакожъ съ міромъ дѣйствительнымъ. Часто доносится на землю, страну скорби и изгнанія, голосъ съ того свѣта, зовущій къ себѣ покинутаго друга, часто милый призракъ слетаетъ къ нему съ неба или подаетъ ему вѣсть о себѣ запахомъ цвѣтовъ, выросшихъ на могилѣ, или унылыми звуками, какъ въ »Эоловой арфѣ«. Нигдѣ съ такою прелестію не выражена идея романтической любви у Жуковскаго, какъ въ этомъ стихотвореніи, гдѣ обаяніе звуковъ соединяется съ обаяніемъ чувства, понятнымъ только благородному и чистому сердцу юноши, любящему тоскливо и робко, безъ мысли объ обладаніи, о раздѣлѣ. Любовь говоритъ здѣсь не голосомъ земной страсти, жадной и бур-

тующей, съ пыломъ въ крови и туманомъ въ глазахъ. Нѣтъ, въ этомъ мірѣ все свѣтло и спокойно, все чуждо земли. Но этотъ *край желаннаго*, куда стремится душа Поэта, сокрытъ отъ очей его. Поэтъ съ тоскою спрашиваетъ:

»Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ! найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное *Талъ*« (12).

Поэзія является посредницею между небомъ и землею, между этою невѣдомою, но желанною стороною и печальнымъ міромъ, окружающимъ насъ. Источникъ этой Поэзіи не земля, а небо; ее посылаетъ человѣку »геній чистой красоты.« И

»Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой« (13).

На томъ же основаніи муза Жуковскаго такъ любила и такъ умѣла передавать легенды Среднихъ вѣковъ и таинственные разсказы, въ которыхъ народная фантазія выразила понятіе свое о загробной жизни и вѣрованія въ духовъ и мертвецовъ, приносящихъ вѣсти съ того свѣта. Любимою формою поэтическою для Жуковскаго была баллада, вся проникнутая его любимымъ содержаніемъ и по большей части передающая намъ повѣсть о сношеніяхъ

съ другимъ міромъ. Дѣйствительности и опредѣленности было мало въ поэзіи Жуковскаго. Вся она расплывалась въ неопредѣленные, неясные образы. Очень понятно, что такое содержаніе его поэзіи не могло достигнуть полнаго художественнаго выраженія, доступнаго только той поэзіи, которая знаетъ чего она хочетъ и о чемъ поетъ. Не смотря на »плѣнительную сладость« стиховъ Жуковскаго, его поэзіи не доступны были тѣ художественные, законченные и совершенные образы, творцемъ которыхъ является Пушкинъ. Но въ исторіи Русской литературы, имя Жуковскаго занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Идя вслѣдъ за Карамзинымъ, онъ довершилъ дѣло, начатое имъ и освободилъ нашу литературу отъ Французскаго вліянія, внеся въ нее новый, животворный источникъ, познакомя ее съ цѣлымъ кругомъ дотолѣ неизвѣстныхъ ей идей и наконецъ усвоивъ ей многія великія созданія чужой поэзіи. Познакомивъ насъ съ поэзіею юности Европейскаго человѣчества, онъ какъ бы заставилъ пережить нашу литературу, а вмѣстѣ съ нею и общество, этотъ мечтательный возрастъ и тѣмъ воспиталъ насъ къ воспріятію другихъ полныхъ, зрѣлыхъ и мужественныхъ образовъ. Всякому человѣку дается пережить жизнію эту пору мечтательныхъ порывовъ и стремленій, пожить жизнію сердца, испытать ту робкую, застѣнчивую любовь, имѣющую такъ много невозвратимой, цѣломудренной прелести. Благо ему, если онъ развивался органически, если онъ не перескочилъ положенныхъ жизнію границъ, былъ съ молоду молодъ и не имѣлъ въ юности той сморщенной преждевременной старостью физіогноміи, которая такъ отталкиваетъ отъ себя. Только въ этой школѣ благородныхъ порывовъ и увлеченій, еще съ неясно сознанною цѣлью, зрѣетъ душа для дѣйствительной жизни и опредѣленныхъ стремленій, только благородному, увлекающемуся юношѣ пре-

доставлена жизнь практической дѣятельности, сѣющая кругомъ сѣмена добра, пользы и правды.

Жуковскій во все время своей поэтической жизни оставался вѣренъ самому себѣ и основнымъ началамъ своей поэзіи. Но талантъ его былъ не безъ развитія и переживъ пятнадцатью годами своего знаменитаго друга Пушкина, встрѣтивъ и проводивъ въ могилу это яркое солнце Русской поэзіи, Жуковскій многимъ былъ обязанъ вліянію Пушкина. Бо́льшая художественность созданій его, въ сравненіи съ прежнимъ, когда онъ писалъ до появленія Пушкина, должна быть приписана вліянію послѣдняго. Лучшія и законченныя его созданія принадлежатъ уже времени послѣ 1820 года, къ эпохѣ самой блестящей дѣятельности Пушкина. Но не смотря на внѣшнее развитіе своей поэзіи по отношенію къ формѣ, не смотря на расширеніе ея предѣловъ знакомствомъ съ разнообразными произведеніями Поэзіи у другихъ народовъ, Жуковскій оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ своей юности. Тѣже элементы составляли содержаніе его поэзіи, чистой, ясной, но мечтательной. Рядомъ съ нею развивалась совершенно противоположная ей поэзія Батюшкова, земная и положительная, съ блестящею внѣшнею формою, съ художественною опредѣленностію, часто напоминающею формы поэтовъ древней Греціи. Батюшковъ составлялъ совершенную противоположность Жуковскому въ содержаніи и направленіи творчества. Идеалъ Жуковскаго была сторона неземная, далекая и туманная, но милая сердцу. Идеалъ Батюшкова была земля, со всею своею роскошью, нѣгою, наслажденіемъ, съ румянцемъ здоровья, съ пыломъ страсти и вожделѣнія. Его счастіе было здѣсь, подъ тѣнью яворовъ, на берегу прозрачнаго ручья, рука съ рукою съ милой. Муза Батюшкова даетъ такой урокъ счастливой жизни друзьямъ своимъ:

»Отгоните призракъ славы!
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пути;
Скажемъ юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться;
Полной чашей радость пить:
Ахъ! не долго веселиться
И не вѣки въ счастьи жить!
. . . . . .
Лиза розою пылаетъ;
Грудь любовію полна;
Улыбаясь наливаетъ
Чашу свѣтлаго вина.
Мы потопимъ горесть нашу
Други! въ эту полну чашу;
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина!« ([14])

Онъ пѣлъ безпечность, любовь и наслажденія юности, и муза Батюшкова была постоянно вѣрна своимъ богамъ. Порою и на него находило сомнѣніе и уныніе, въ которыхъ слышится вліяніе романтизма, но эти чувства были мгновенны и не оставляли слѣдовъ въ душѣ его. Они проносились легкимъ, мимолетнымъ облакомъ на ясномъ небѣ его поэзіи. И не скорбнымъ диссонансомъ, разрывающимъ сердце, звучали они, а тотчасъ же, едва долетали до души поэта, разрѣшались въ свѣтлый, спокойный образъ. Коснется ли души его темное предчувствіе смерти, посреди земнаго пира—оно встаетъ не пугающимъ и страшнымъ призракомъ передъ глазами его — нѣтъ, онъ начинаетъ мечтать о томъ Элизіумѣ,

. . . . . »гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви;
Гдѣ любовникъ воскресаетъ

Съ новымъ пламенемъ въ крови;
Гдѣ, любуясь пляской граціи,
Нимфъ сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ« ([15]).

Онъ хочетъ летѣть за счастьемъ по пути жизни, хочетъ опередить смерть и жадно ищетъ упиться сладострастьемъ. Наслажденіе любви, страстное и упоительное, со всею нѣгою сладострастья, но просвѣтленное граціей Поэзіи, составляло идеалъ поэзіи Батюшкова. Перечтите стихотворенія Батюшкова: »Вакханка,« »Ложный страхъ« и »Мои Пенаты« и вы увидите съ какою художественностію образовъ умѣлъ выражать онъ пылъ земныхъ наслажденій. Его любовь не была робкою, мечтательною любовью унылаго пѣвца Минваны или рыцаря Тогенбурга, и если онъ мечтаетъ когда либо, изъ загробной области прилетѣть къ оставленной на землѣ милой, то не тихими звуками арфы, не шелестомъ листьевъ, онъ хочетъ дать знать подругѣ о своемъ присутствіи. Нѣтъ, онъ иначе говоритъ:

»Если лилія листами
Ко груди твоей прильнетъ;
Если яркими лучами
Въ камелькѣ огонь блеснетъ;
Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ;
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ —
Улыбнися, другъ безцѣнной,
Это я!.....« ([16]).

Далѣе этотъ образъ развивается въ фантазіи поэта еще ярче, еще

опредѣленнѣе. Въ этомъ заключается различіе поэзіи Батюшкова отъ поэзіи Жуковскаго. Какъ послѣдній всегда оставался въ мірѣ романтическихъ грезъ и стремленій, всегдашнихъ порываній къ далекому и незнаемому, такъ Батюшковъ почти не покидалъ міра изящнаго наслажденія жизнію и ея благами. Но, странное дѣло— современность гораздо больше вызывала сочувствія въ душѣ Жуковскаго, нежели Батюшкова. Жуковскій пѣлъ военную славу Россіи, подвиги Императора Александра I, грозу двѣнадцатаго года передъ священнымъ пламенемъ Москвы, и его звуки откликались на многія великія событія отечественной исторіи. Батюшковъ разъ только созналъ несвоевременность своей поэзіи, воспѣвавшей *коварныя забавы Армиды* и *вьтренныхъ Цирцей* среди свѣжихъ могилъ друзей, павшихъ на полѣ славы въ отечественную войну. Но это сознаніе было минутнымъ и вновь возвращался онъ къ сладкимъ пирамъ жизни и эпикуреизма.

Какъ Жуковскій открылъ Русской поэзіи сторону ей неизвѣстную и познакомилъ ее съ цѣлымъ міромъ идей и образовъ, созданныхъ Германскою поэзіею, гдѣ все покрыто таинственною пеленою романтизма, такъ и Батюшковъ, съ своей стороны, познакомилъ насъ съ любимою страною мечтаній своихъ — Италіею. Ея поэты были по сущности созданій своихъ сродни его духу. Онъ нашелъ въ нихъ блестящую, внѣшнюю форму, завѣщанную новой Италіи древнимъ образованіемъ, которому почти всегда оставалась вѣрною эта страна, любимая солнцемъ. Онъ нашелъ въ нихъ, говоря его собственными словами: »нѣгу, роскошь воображенія, свѣжесть »чувствъ и ясность мыслей, напоминающія и небо и всю благо»творную природу странъ южныхъ, гдѣ человѣкъ наслаждается »двойною жизнію въ сравненіи съ нами, гдѣ все питаетъ и нѣжитъ

»его чувства, гдѣ все говоритъ его воображенію (17).« Петрарка, Тассъ и Аріостъ были любимыми поэтами Батюшкова. Ихъ жизни полная, блестящая, но нѣсколько внѣшняя форма, безъ глубокаго содержанія, удивительно какъ пришлась по таланту Батюшкова. Она была посредницею для него при знакомствѣ съ поэзіею Древнихъ. Но онъ не могъ сочувствовать могучему генію Данта. Его возвышенная поэма, заключившая въ себѣ величавые образы средневѣковой исторіи и монашескій аскетизмъ мысли, чуждавшійся земныхъ и легкихъ наслажденій, была недоступна духу Батюшкова. Потому и изъ древнихъ поэтовъ онъ подражалъ только элегіямъ Тибулла, далекимъ отъ элегіи новаго времени, но соединившимъ прелесть формы съ прелестію не глубокаго чувства. Потому и изъ Греческой поэзіи онъ извлекъ мелкія эпиграммы Антологіи, гдѣ все говоритъ о блаженствѣ любви, гдѣ нѣтъ сомнѣнія и разлада внутренняго и гдѣ только одна смерть грозитъ неумолимою косою пирующему восторгу. Но и она является въ образѣ свѣтлаго генія, съ факеломъ въ рукахъ и походитъ на тѣ статуи смерти, которыя какъ Memento mori, стояли на пиршествахъ Древнихъ и украшались вѣнками изъ винограда, плюща и розъ. Она на минуту только смущала духъ пирующихъ и язычникъ гналъ ее изъ своего сознанія пѣснями радости, цвѣтами и наслажденіями настоящаго. Если сѣверная природа и туманные образы Оссіана порою касались воображенія Батюшкова, то это было слишкомъ не на долго и подобное вліяніе, какъ и вліяніе романтизма, не могло оставить глубокихъ слѣдовъ въ его поэзіи. Онъ снова возвращался къ своему прекрасному міру формъ и образовъ, согрѣтыхъ солнцемъ Италіи. Вліяніе на него эротическихъ Французскихъ поэтовъ XVIII вѣка, Парни, Шолье и другихъ объясняется также изъ жиз-

неннаго источника поэзіи Батюшкова: изъ любви къ землѣ и ея наслажденіямъ. Такимъ образомъ Батюшковъ въ одно время съ Жуковскимъ расширилъ предѣлы нашей поэзіи въ другую сторону, и вмѣстѣ съ нимъ приготовилъ почву, на которой выросъ новый могучій талантъ, заслонившій ихъ своею великою тѣнью отъ глазъ потомства. Заслуга Батюшкова особенно важна въ исторіи Русской поэзіи по художественной отдѣлкѣ формы въ его стихотвореніяхъ. Здѣсь онъ является великимъ мастеромъ въ Искусствѣ, хотя форма его и не достигаетъ полнаго совершенства Пушкинской, но появленіе послѣдней дѣлается возможнымъ и понятнымъ послѣ Батюшкова. Изъ всѣхъ предшествовавшихъ поэтовъ, Батюшковъ болѣе другихъ участвовалъ въ воспитаніи поэтическаго генія Пушкина. Всѣ молодыя, лицейскія стихотворенія послѣдняго, гдѣ онъ является еще не самостоятельнымъ, носятъ очевидные слѣды этого вліянія. Пушкинъ часто называетъ Батюшкова своимъ учителемъ въ поэзіи и для него поэзія Батюшкова, ясная и опредѣленная, была гораздо доступнѣе поэзіи Жуковскаго, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. Батюшковъ предвѣщалъ сильный талантъ и могучее развитіе, но это было только предвѣщаніе, надежды на будущее. Потому на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать несовершенства, неоконченности и ни разу, ни въ одномъ произведеніи, не выразилось сознаніе его поэтическаго призванія. Онъ смотрѣлъ на поэзію глазами эпикурейца; онъ хотѣлъ только пѣсенъ на пиру жизни и недумая о художественномъ творчествѣ, мало воспитывалъ свой прекрасный талантъ. Вообще въ немъ легко замѣтить недостатокъ развитія. Потому и форма и содержаніе его поэзіи не удовлетворяютъ насъ. Въ обоихъ случаяхъ Батюшковъ односторонень. Можетъ быть причина этого заключается въ томъ, что мы зна-

комы только съ юношескими произведеніями Батюшкова, что дальше юности не шелъ и не развивался онъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ и прекраснаго таланта, подъ небомъ той полуденной страны, которая вызвала звуки и формы его поэзіи и была любимою стороною пламенныхъ желаній поэта, когда всѣ ожидали отъ него новыхъ роскошныхъ вдохновеній, Батюшковъ почувствовалъ первые симптомы страшной болѣзни, лишившей его и радости жизни и сознанія. Болѣе тридцати лѣтъ продолжалось томительное состояніе Поэта, на котораго когда-то Русское искусство возлагало столько прекрасныхъ, но обманувшихъ надеждъ. Онъ умеръ только въ нынѣшнемъ году, развалиною минувшаго, въ сѣверномъ городѣ, не напоминавшемъ ему золотаго неба *его* Италіи, унеся съ собою въ гробъ недопѣтые звуки и невыговоренную тайну своей поэзіи.....

Внѣ этого предшествовавшаго Пушкину развитія Русской поэзіи представляются намъ двѣ личности, связанныя въ жизни общею дружбою, но шедшія совершенно по разнымъ дорогамъ и повидимому остававшіяся чуждыми развитію общихъ идей литературныхъ. То были Крыловъ и Гнѣдичъ. Таланты того и другого не могли остаться безъ вліянія на воспріимчивую душу Пушкина, и по самому значенію историческаго развитія, элементы ихъ поэзіи должны были отозваться въ поэзіи Пушкина. Крыловъ первый изъ нашихъ писателей понялъ, въ чемъ заключается народность мысли и народность выраженія. Отъ того онъ возбуждаетъ огромное сочувствіе къ себѣ во всѣхъ классахъ общественныхъ. Его басни останутся навсегда образцемъ Русскаго смысла, народной иронiи и того простодушно-хитраго ума, который умѣетъ высказывать, не горячась и спокойно, подъ легкою формою пословицы или басенной морали, часто горькія истины. Къ сожалѣнію, кругъ поэтической

дѣятельности, который начертилъ себѣ Крыловъ, былъ очень ограниченъ, а потому талантъ его не могъ отозваться вліяніемъ и послѣдствіями въ Русской литературѣ. Великій баснописецъ великъ въ мелкомъ родѣ Искусства поэтическаго, выбраннаго имъ. Онъ размѣнялъ прекрасный талантъ свой на мелочь. Но за то эта мелочь—басни Крылова—походятъ на тѣ изящные камеи, завѣщанные намъ древностію, въ которыхъ съ миніятюрною отчетливостью скульптурнаго искусства выражаются прекраснѣйшіе миѳы язычества и величавыя, типическія физіогноміи древнихъ боговъ и героевъ. Послѣ Крылова понятною представляется Русская народность. Онъ сдѣлалъ ее достояніемъ Русской поэзіи, замкнувъ ее въ блестящій міръ своихъ басенъ. Другой поэтъ — Гнѣдичь, посвятившій полъжизни своей великому труду, какъ переводъ безсмертной поэмы Гомера, познакомилъ насъ съ прекраснымъ міромъ Греческой поэзіи, усвоивъ его Русской литературѣ и сдѣлавъ его нашимъ достояніемъ. Переводъ Иліады былъ послѣднимъ и жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ псевдоклассическимъ теоріямъ. Послѣ него явилось у насъ ясное сознаніе того, въ чемъ заключается классическая форма Искусства. Его другіе переводы изъ древнихъ поэтовъ, исполненные съ умомъ и поэзіей, имѣли неоспоримое вліяніе на любовь Пушкина къ античнымъ формамъ Поэзіи. Они ввели его въ міръ поэзіи Древнихъ и антологическія стихотворенія Пушкина, блещущія роскошной художественной отдѣлкой, могли явиться только послѣ переводовъ Гнѣдича.—Къ этимъ двумъ поэтамъ, дѣйствовавшимъ при Пушкинѣ, но выступившимъ на сцену до него, примыкаетъ и князь Вяземскій, живой свидѣтель трехъ поколѣній Русскихъ писателей. Его поэтическая дѣятельность, исполненная мысли, его блестящая критическая и полемическая способность, развернулись уже

при Пушкинѣ и особенно въ защиту его направленія и того, что понимали тогда романтизмомъ, а потому намъ не разъ придется говорить еще о немъ.

V.

Легко видѣть изъ пройденнаго нами очерка болѣе замѣчательныхъ явленій Русской литературы, что всѣ они были совершенно необходимы въ общемъ развитіи, но что каждое изъ нихъ, удовлетворяя вполнѣ своимъ содержаніемъ времени, не могло быть послѣднимъ и совершеннымъ выраженіемъ Русской литературы. Каждое изъ нихъ, исторически вѣрное въ самомъ себѣ, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ то одностороннимъ и неполнымъ. Поэзія Пушкина, какъ послѣднее произведеніе этого развитія, должна естественно стоять выше всего предшествовавшаго. Пушкинъ является завершителемъ всѣхъ прежнихъ стремленій, всѣхъ начатыхъ и недодѣланныхъ формъ и съ него, разумѣется, Русская литература и Русская поэзія, должны начинать новый періодъ своей исторической жизни. Стоитъ только сравнить съ поэзіей Пушкина поэзію Батюшкова и Жуковскаго, его современниковъ и учителей, чтобъ убѣдиться чѣмъ онъ выше стоитъ обоихъ ихъ. Пластическая, но недодѣланная и несовершенная форма поэзіи Батюшкова, получаетъ у Пушкина такую изящную отдѣлку, такія художественныя достоинства, что сейчасъ видѣнъ на ней слѣдъ руки великаго мастера, котораго душа полна дивныхъ и совершенныхъ образовъ. Лучше, чище и превосходнѣе этой формы въ поэзіи трудно представить критикѣ. Благоуханное и нѣжное, но неясное чувство, разлитое въ

поэзіи Жуковскаго, свѣтлый порывъ къ далекому небу, составляющій весь пылъ этой поэзіи, смѣняются иными, болѣе полными и рѣшительными качествами у Пушкина. Его чувство такъ точно и опредѣленно и такъ ясно выражено, что образъ художника, оставляя въ душѣ впечатлѣніе оконченное, наполняетъ ее совершенно. Кажется ничего не нужно читателю прибавлять къ тому, что съ такою готовностію даетъ Поэтъ. Пушкинъ нигдѣ не заставляетъ догадываться читателя, читать между строчками тайный смыслъ созданія. Нѣтъ, образъ Пушкина доступенъ съ перваго раза душѣ и весь онъ на-лицо передъ нами въ блестящей художественной одеждѣ, данной ему Поэтомъ. Чувство Пушкина человѣчно и просто, а потому поэзія его, выраженіе этого чувства, производитъ на душу человѣка впечатлѣніе здоровое и бодрое; она проливаетъ свѣтлый миръ въ душу человѣка и подымая ее отъ земли, она учитъ оставаться на ней же, вызывая вокругъ жизнь и облекая все прекрасное и благородное на землѣ въ совершенную форму Поэзіи. Пушкинъ принадлежалъ къ глубокимъ лирическимъ натурамъ, для которыхъ всякое минутное впечатлѣніе облекается въ поэтическій образъ, понятный всякому, потому что на немъ лежитъ печать человѣческаго достоинства. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ много походитъ на Гёте, поэта — художника по преимуществу, который самъ говорилъ про себя, что всѣ его произведенія писаны на случай, не такъ однакожь, какъ писались оды XVIII столѣтія. Такъ и у Пушкина каждое стихотвореніе вызвано обстоятельствами его жизни, каждое вылилось прямо изъ души поэта и много и долго было перечувствовано. Но эти созданія, чисто личныя по своему происхожденію въ душѣ поэта, имѣютъ общій смыслъ, понятны и доступны каждому. Такое явленіе происходитъ отъ того,

что чувство и поэзія Пушкина носятъ вполнѣ человѣческій характеръ и отзывались на все, что возбуждаетъ сочувствіе въ благородной и развитой душѣ человѣка. Какія громадныя силы должны были заключаться въ личности Пушкина, чтобъ мы въ каждомъ мимолетномъ впечатлѣніи, одѣтомъ имъ въ поэтическую форму, въ каждомъ небольшомъ стихотвореніи, написанномъ повидимому на незначительный и быстро исчезнувшій случай, могли находить полное удовлетвореніе. Такое явленіе составляетъ тайну генія, тайну творца-художника въ мірѣ Искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ, что существуетъ таинственная и глубокая связь между геніемъ великаго поэта и духомъ народа, создавшаго его. Оба они дѣйствуютъ взаимно другъ на друга и постоянно живутъ въ общеніи. Вотъ почему въ поэзіи Пушкина, едва только коснутся нашего слуха звуки его, мы слышимъ родное и знакомое, свое собственное, что жило въ душѣ нашей, но жило неясно, темнымъ чувствомъ, не умѣя найти соотвѣтственной формы и приличнаго выраженія. Потому Пушкинъ, вслѣдствіе великаго поэтическаго таланта своего, является типическимъ представителемъ своей родины. Кажется лучшія свойства народа, кажется вся душа его, весь его геній заключились въ одномъ человѣкѣ и съ большимъ блескомъ и въ полной силѣ, какъ лучи свѣта, сосредоточенные въ одной точкѣ и тѣмъ дѣйствующіе ослѣпительнѣе и ярче. Вотъ почему такая личность, выражающая народъ свой, интересуетъ и влечетъ насъ къ себѣ. Мы стараемся понять и оцѣнить каждый случай жизни, пробудившій поэзію Пушкина, мы стараемся разгадать жизнь его, каждый темный, неясный намекъ въ его стихотвореніи, мы бы дорого дали, чтобъ знать все, что волновало, мучило и утѣшало душу поэта и страстно желали бы имѣть полную біографію Пушкина,

которая дала бы намъ ключъ къ его поэзіи и позволила бы внутри насъ пожить блестящею жизнію Поэта. Геній его порукою намъ, что въ этой жизни нѣтъ ничего такого, что бы недостойно было вниманія людей его родины, что бы бросало тѣнь на Поэта, какъ на человѣка, что бы не оправдывалось независящими отъ него обстоятельствами. И въ самомъ дѣлѣ, на сколько мы знаемъ, жизнь Пушкина никогда не стояла въ противорѣчіи съ его Поэзіей, никогда не было разлада между словами его и характеромъ. Такое мнѣніе кажется ни на чемъ не основаннымъ, но разбирая впослѣдствіи жизнь и сочиненія Пушкина, мы надѣемся доказать его фактами. Изученіе жизни и вмѣстѣ съ нею созданій Пушкина много вознаградитъ того, кто посвятитъ труду этому время свое. И какъ отрадно изучать великаго поэта своего народа и переживать въ его созданіяхъ факты народнаго духа и сознанія, въ лучшей, благороднѣйшей, художественной формѣ. Да, личность и поэзія Пушкина достойны подробнаго изученія. Онъ гнался за жизнію, по выраженію поэта, онъ воскрешалъ въ ней каждый мигъ и на каждый призывный звукъ ея отвѣчалъ отзывной пѣснію. Намъ дороги волненія, страданія и радости Пушкина. Они принадлежатъ великому поэту, представителю своего народа и неизмѣримо выше стоятъ тѣхъ откровенныхъ изліяній, которыми привыкли такъ нецеремонно дѣлиться съ публикою мелкіе лирическіе поэты, громко толкующіе о своихъ ненужныхъ никому и смѣшныхъ страданіяхъ и волненіяхъ. Лермонтовъ давно отвѣчалъ энергическими стихами поэту подобнаго рода:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?

Надобно быть богатымъ внутреннею жизнію, чтобъ имѣть право дѣлиться со всѣми своими впечатлѣніями. —

И такъ въ величіи созданій Пушкина, доступныхъ и любезныхъ каждому Русскому человѣку, мы видимъ типическое воспроизведеніе жизни Русской, а потому безспорно можемъ назвать его первымъ народнымъ поэтомъ своей родины. До него не было у Русской поэзіи въ полной силѣ и полной мѣрѣ этого свойства, а были только попытки. Но эта народность созданій Пушкина не есть та непосредственная, первоначальная народность, которая проявляется и въ пѣснѣ народа. Это—высшій моментъ сознанія и она могла родиться только въ ту блестящую эпоху развитія народныхъ силъ, которая слѣдовала за двѣнадцатымъ годомъ. Эта народность, освѣщенная заревомъ Московскаго пожара, скрѣпленная общимъ чувствомъ любви къ отечеству и ненависти къ страшному завоевателю, потрясшему міръ въ его основаніяхъ, есть высшее проявленіе народа и можетъ сдѣлаться могучимъ двигателемъ Поэзіи. Въ образахъ Пушкина, народные элементы изображены такъ ясно и съ такою художественною полнотою, именно потому, что они сознательно прошли чрезъ духъ поэта, что они выработались народной исторіей. Только при такихъ условіяхъ поэтъ могъ изображать съ теплымъ участіемъ сумрачныя картины родной природы, гдѣ все такъ ровно и однообразно, гдѣ надобно вырости и жить, быть связану тайными элементарными силами съ родною почвою, чтобъ находить прелесть въ безграничныхъ и пустыхъ пространствахъ степи, въ разбросанныхъ избахъ жалкой деревушки, въ сѣромъ небѣ, склонившемся надъ необозримою равниною. И Пушкинъ, въ роскошныхъ поэтическихъ образахъ, вызвалъ передъ нами тайную прелесть этой природы; онъ придалъ ей жизнь и значеніе, онъ

поймалъ неуловимыя линіи разбѣгающихся очерковъ и выразилъ непонятную связь Русской души съ окружающей ее природой. Картины этой природы дышатъ жизнію и говорятъ сердцу. Бѣдная деревня вдали отъ большой дороги, печальная пѣсня подъ звукъ веретена, дождливое утро ненастной осени, и великолѣпные ковры снѣга, и звонъ почтоваго колокольчика, и мутные образы, кружащіеся въ волнахъ мятели — все это согрѣто такою теплою любовью, все это одѣто въ такую яркую поэтическую одежду, что невольно манитъ къ себѣ душу. Не станемъ говорить о тѣхъ вдохновенныхъ изображеніяхъ, которыя подарили Поэту горы и равнины Южнаго Крыма и громады Кавказа. Тамъ самое величіе и роскошь явленій природы могли возбудить его геній. Нѣтъ, его могущество доказывается картинами бѣдной сѣверной природы, которая окружаетъ насъ, къ которой мы привыкли до того, что не въ состояніи вообразить скрытыхъ въ ней поэтическихъ достоинствъ. Какимъ же волшебствомъ открылъ ихъ Пушкинъ и умѣлъ сдѣлать привлекательными для каждаго? Это волшебство принадлежитъ къ тайнамъ геніальнаго творчества, но оно есть условіе всякаго народнаго поэта, оно есть доказательство глубокаго Русскаго чувства и Русской души въ Пушкинѣ и только сознаніе, только историческое развитіе народной исторіи могло вызвать къ жизни такія явленія. Но еще выше картинъ природы, народность Пушкинской поэзіи проявляется въ созданіи характеровъ, поразительно вѣрныхъ дѣйствительности и Русской жизни. Взгляните на Русскую женщину, одѣтую яркимъ свѣтомъ Пушкинской поэзіи, на эту простую, мечтательную, грустную, но съ залогомъ могучихъ силъ душевныхъ, но съ возможностью глубокой страсти въ сердцѣ, женщину. Посмотрите на этотъ превосходный образъ Татьяны, выросшей на

родныхъ снѣгахъ и поляхъ, подъ тѣнью березъ родины, съ воображеніемъ, настроеннымъ тайными силами Русской природы и преданіями народа, посмотрите на нее, обвѣянную простой поэзіей Крещенскихъ вечеровъ, пѣсенъ и гаданій, вѣрную жизни и природѣ своей. Какъ просто и безхитростно заговорило въ ней чувство, какая глубокая, но естественная скорбь въ этой мечтательной головкѣ и какъ она не измѣняетъ ни себѣ, ни чувству, когда жизнь ея измѣняется, когда изъ подъ деревенской кровли отцовскаго дома, отъ могилы своей Няни, она переносится въ великолѣпныя залы столицы. Пушкинъ особенно умѣлъ сочувствовать простымъ и неиспорченнымъ Русскимъ натурамъ и талантъ его, развиваясь все болѣе и болѣе, усвоивалъ себѣ эпическую простоту и непосредственность въ изложеніи и разсказѣ, остановливался съ любовью на характерахъ, выросшихъ прямо на народной почвѣ. Особенно это замѣтно въ послѣднихъ, могучихъ созданіяхъ поэта. Мельникъ и дочь его, простая исторія любви послѣдней къ Князю, заимствованная Пушкинымъ изъ забытой оперы, въ которой не видно ничего Русскаго, заключаютъ въ себѣ такое богатое народное содержаніе, какое умѣлъ только постигать Пушкинъ. Самая любовь эта, доведенная до драматическаго движенія страсти, не согласнаго съ эпическимъ характеромъ народа, является намъ до того естественною, до того близко соприкасается она съ стихійнымъ міромъ народныхъ преданій, что даже фантастическій фонъ картины еще больше придаетъ правды и очарованія созданію. Мы не станемъ говорить о томъ, съ какимъ народнымъ тактомъ и глубиною чувства выражался Пушкинъ о великомъ двигателѣ нашего образованія, въ какихъ величавыхъ, строгихъ и могущественныхъ очеркахъ является въ разныхъ мѣстахъ его поэтическихъ созданій Петръ Ве-

ликій, этотъ представитель огромныхъ силъ народа, гигантъ, поразившій мѣдною силою своего генія воображеніе поэта. Когда онъ говоритъ о немъ, тогда живымъ ключемъ льются волны глубокой поэзіи Пушкина, слышится сильно затронутое чувство. Онъ встрѣчается здѣсь съ Ломоносовымъ, перворожденнымъ сыномъ эпохи Преобразованія и подобно ему, Пушкинъ хотѣлъ посвятить послѣдніе годы своей жизни изображенію великаго Государя и подобно Ломоносову, судьба не дала ему кончить прекраснаго дѣла. Тѣ же народныя силы Пушкинскаго генія являются въ драматической хроникѣ его »Борисѣ Годуновѣ,« гдѣ отъ Царя до Отшельника— Лѣтописца все носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія жизни народа и теплаго сочувствія къ ней. Но еще ярче геній Пушкина проявляется въ созданіи характеровъ »Капитанской Дочки.« Кажется все такъ просто въ этомъ произведеніи, кажется такъ ничтожны выведенные въ этой исторической повѣсти характеры, что мы не подозрѣваемъ глубины народнаго духа, скрытаго въ этихъ, повидимому мелкихъ личностяхъ. А между тѣмъ посмотрите, какъ умираетъ комендантъ жалкой Оренбургской крѣпостцы и помощникъ его, Иванъ Кузьмичъ, отъ руки мятежника Пугачева. Такъ величаво-просто, безъ парада и шума, можетъ умирать только одинъ простой Русскій человѣкъ, неиспорченный постороннею примѣсью. И Пушкинъ все дальше и дальше отдалялся отъ лицъ, дѣйствующихъ въ салонахъ. Его жизнь и странствія по Россіи ставили его въ соприкосновеніе съ различными общественными классами, но его чуткое поэтическое вниманіе остановливалось только на томъ, что имѣло право войти и получить гражданство въ царствѣ Русской поэзіи. Въ глубинѣ души своей онъ былъ другомъ того народа, которому чужды литературныя стремленія, но который въ жизни

своей сохранилъ коренныя народныя начала. Вотъ въ чемъ заключается народность созданій Пушкина и всей его поэзіи.

Но народность не составляетъ еще исключительнаго достоинства созданій Пушкина. Изображать вѣрно съ дѣйствительностію природу родины, характеры своего народа, развитые его исторіей, можетъ всякій, даже второстепенный Поэтъ. Конечно такой геніальный поэтъ, какъ Пушкинъ, поэтъ, котораго лира звучала въ отвѣтъ на многое и внѣ національныхъ условій, поэтъ, котораго душа была развита постепеннымъ совершенствованіемъ и ученіемъ, будетъ находиться въ другомъ отношеніи къ явленіямъ національной жизни, нежели Кольцовъ напримѣръ, кругъ дѣятельности котораго былъ очень ограниченъ. Пушкинъ и глубже могъ чувствовать и лучше умѣлъ подмѣчать такія стороны, мимо которыхъ другой Поэтъ пройдетъ, не обративъ на нихъ вниманія. Но ставить національность картинъ и созданій въ единственную заслугу Поэту нашего времени и на основаніи ея давать ему званіе великаго Поэта, значитъ—не понимать Поэзіи. Національность созданій—дѣло второстепенное и Пушкинъ далеко выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ національности. На его Поэзіи лежитъ высшая печать духовнаго совершенства, печать высокаго творчества и художественности, безъ которой блѣдно и вяло произведеніе Искусства. Эта художественность въ созданіи сглаживаетъ въ немъ рѣзкія стороны національности, дѣлаетъ его доступнымъ всякому, даже далекому отъ національности человѣку и придаетъ созданію достоинство общечеловѣческое. Какъ любовь есть общее чувство, сглаживающее и примиряющее индивидуальности, соединяющее начала разрозненныя, такъ Искусство есть общее для всѣхъ народностей, есть тотъ свѣтлый міръ, гдѣ господствуетъ вѣчная гармонія, гдѣ нѣтъ борьбы и раздора,

гдѣ примиряются даже ожесточенно враждующія народности. Искусство принадлежитъ всему міру и это міровое начало даетъ смыслъ народному. Художественная сторона Искусства является тогда въ народѣ, когда національный духъ его достигнетъ полнаго развитія. Многія изъ созданій древней Греческой поэзіи сдѣлались достояніемъ всего человѣчества и вѣчными, прекрасными образцами, часто стоящими выше художественныхъ созданій новыхъ народовъ, а между тѣмъ они были исключительно національны и создались подъ рѣзкими условіями и опредѣленіями своей исторической и государственной жизни. Произведенія Греческаго искусства кромѣ того принадлежали такимъ незначительнымъ общинамъ древняго міра, которыя, въ сравненіи съ громадными государствами современности, кажутся микроскопическими. Какою повидимому ничтожною должна представляться намъ война Пелопонезская, съ незначительными средствами Аѳинъ и Спарты, въ сравненіи съ тѣми страшными усиліями, какія представляетъ намъ борьба современная. Но въ этихъ незначительныхъ государствахъ заключался тогда весь образованный міръ и Ѳукидидъ былъ великимъ художникомъ въ историческомъ искусствѣ. Такъ Искусство и художественность кладутъ свѣтлый вѣнецъ и на произведеніе Поэзіи, выросшее на народной почвѣ; они даютъ ему вѣчное, понятное всѣмъ вѣкамъ и народамъ существованіе, они подымаютъ его надъ всѣми другими произведеніями литературными въ народѣ. Эти качества дѣлаютъ созданіе Поэта, будь онъ Русскій, Англичанинъ, Нѣмецъ или Французъ — достояніемъ всего человѣчества, гдѣ каждый встрѣчаетъ свое родное, человѣческое, тотъ духъ, который живетъ и не умираетъ въ разнообразныхъ формахъ жизни.

Пушкинъ, оставаясь народнымъ Поэтомъ, былъ вмѣстѣ съ

тѣмъ глубокимъ художникомъ и этимъ качествомъ своимъ, художественностію созданій своихъ, онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ предшествовавшихъ ему Русскихъ поэтовъ. Созданіе строгихъ элементовъ народности въ Поэзіи и умѣнье облечь ихъ въ блестящую художественную одежду — вотъ заслуги, оказанныя Пушкинымъ Русской литературѣ, вотъ за что онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ ея исторіи, представляя собою послѣднюю ступень ея развитія. Съ Пушкина Русская литература должна вести другую жизнь, но она не можетъ развиваться внѣ условій, принесенныхъ въ нее Пушкинымъ. Каждое произведеніе современной Русской поэзіи должно быть и народно и художественно вмѣстѣ. Безъ этихъ качествъ оно не будетъ имѣть достоинства. Въ наше время, когда Россія призвана Провидѣніемъ участвовать въ рѣшеніи Европейскихъ вопросовъ, ея литература впервые начала получать извѣстность внѣ родныхъ границъ своихъ. Произведенія Пушкина, Гоголя и Лермонтова переводятся и читаются въ Европѣ и дѣлаются такимъ образомъ достояніемъ всего человѣчества. Такое явленіе возможно только тогда, когда они выполнятъ требованія Искусства и тѣмъ сгладятъ исключительность національнаго бытія своего. Изъ всѣхъ Русскихъ писателей ни одинъ не возбуждалъ такого сочувствія къ себѣ внѣ Россіи, какъ Пушкинъ. Причина этой общей симпатіи къ нему заключается въ томъ, что одному ему до сихъ поръ удалось возвести типическія особенности народнаго духа въ высшую форму Искусства. Россія въ правѣ гордиться своимъ великимъ поэтомъ, выразителемъ духовнаго богатства народныхъ силъ, заключенныхъ имъ въ такую изящную форму. И эта же самая художественность созданій Пушкина дѣлала его гражданиномъ всего міра, позволяя ему переноситься всюду, куда только увлекалъ его геній Поэзіи,

давала ему средства сочувствовать многому чужому. Съ какимъ рѣдкимъ художественнымъ тактомъ онъ умѣлъ воспроизводить въ своей поэзіи образы чуждаго быта и усвоивать духъ поэзіи эпохъ отдаленныхъ отъ Русскаго сознанія. Величавые звуки священной поэзіи Востока, ясная прелесть классической формы, суровая поэзія Данта, кипящая негой и сладострастіемъ жизнь Испаніи, полные и оконченные характеры Шекспира, рефлектирующая личность Гётева Фауста, однообразные мотивы Славянскихъ пѣсенъ, все было равно доступно его духу и все сдѣлалось достояніемъ его поэзіи. И какъ этотъ міръ разнообразныхъ созданій понятенъ намъ, какъ слышится въ немъ присутствіе чуткаго Русскаго слуха и могучей Русской души. Все это Пушкинъ сдѣлалъ достояніемъ нашей поэзіи.

Въ области поэтическаго творчества Пушкинъ является исключительнымъ художникомъ, пламеннымъ жрецомъ Искусства. Для него не было ничего выше Искусства и въ жизни и Поэзіи; онъ былъ чуждъ всѣхъ внѣшнихъ цѣлей въ Поэзіи и вся жизнь его есть постоянное освобожденіе отъ этихъ внѣшнихъ цѣлей и стремленіе къ художественности. Постоянно проповѣдывалъ онъ съ гордостію художника — независимость Искусства отъ всего посторонняго и отъ жизни съ ея борьбою и волненіями. Въ превосходномъ лирическомъ стихотвореніи своемъ »Чернь« онъ такъ высоко поставилъ Поэта надъ дѣйствительнымъ міромъ, что все кромѣ Искусства должно смолкнуть передъ геніемъ Поэта. Общество, его же словами, спрашиваетъ у Поэта:

»За чѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?

За чѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?« ([12]).

Общество смотритъ на Поэта, какъ на натуру высшую; оно хочетъ, чтобъ не даромъ горѣлъ въ немъ божественный пламень таланта; оно хочетъ употребить въ пользу дивные звуки его, чтобъ не пустымъ звономъ раздавались они, а были бы органами истины, добра, пользы общественной. Оно совершенно справедливо говоритъ Поэту:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Критика того времени, хотя и не прямо, но высказывала иногда эти мысли Пушкину. Она ждала отъ него созданій, возникшихъ въ волненіяхъ жизни, кипящихъ страстными порывами современности, созданій, въ которыхъ бы слышались звуки любви и вражды дѣйствительности. Эта критика хотѣла того отъ Пушкина, чего не могъ онъ дать ей. Его призваніе былъ міръ чисто художественной дѣятельности, далекой отъ всего временнаго. Для него этотъ

міръ былъ страною свѣтлою и спокойною, небомъ, невозмущаемымъ никакими земными порывами и наполненнымъ образами, возникавшими только въ душѣ Поэта. Онъ говоритъ о себѣ подобныхъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья —
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

И постепенно уходилъ Пушкинъ отъ міра, постепенно уединялся онъ въ свѣтлую область Поэзіи. Твердъ, спокоенъ и угрюмъ, сталъ онъ передъ голосомъ общественнаго мнѣнія, передъ голосомъ критики, не дорожа любовію народной и съ презрѣніемъ смотря на судъ толпы:

Ты царь: живи одинъ, —

говоритъ онъ Поэту, —

Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за *подвиг благородный*.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ [19].

Это исключительное преслѣдованіе цѣлей чисто художническихъ и совершенное отчужденіе отъ міра дѣйствительности, это стремленіе

очистить храмъ Искусства отъ торжниковъ, случайно поселившихся въ немъ, является во всей дѣятельности Пушкина и особенно слышно въ его полемическихъ статьяхъ, написанныхъ съ рѣдкой и ядовитой иронiей. На основанiи этого стремленiя къ художественности и постепеннаго освобожденiя отъ цѣлей внѣшнихъ, мы можемъ всю поэтическую дѣятельность Пушкина раздѣлить на три перiода, согласные съ событiями его жизни и развитiемъ таланта. Первый перiодъ поэтической дѣятельности его, который можно назвать *лицейскимъ*, заключаетъ въ себѣ его первые шаги въ Поэзiи, состоящiе частiю изъ подражанiй, частiю представляющiе первыя робкiя, но самостоятельныя попытки. Этотъ перiодъ оканчивается появленiемъ »Руслана и Людмилы.« Слѣдущiй за тѣмъ есть перiодъ *странствованiя* Пушкина по Россiи и уединенной жизни въ деревнѣ, перiодъ, когда зрѣлъ его талантъ и приготовлялся къ возвышеннымъ подвигамъ творчества, освобождаясь изъ подъ могучаго вліянiя Байрона, но волнуясь еще волненiями житейскими и сочувствуя скорбямъ и радостямъ дѣйствительности. Третiй перiодъ представляетъ намъ полное развитiе Пушкина какъ художника, полную свободу и самостоятельность поэта и можетъ быть названъ *сознательно-художественнымъ*. Здѣсь онъ исключительный жрецъ Искусства, чуждый всему земному и живущiй въ отдаленной и высокой сферѣ своихъ созданiй. Эти перiоды не нами придуманы, но въ нихъ легче обозрѣть жизнь и дѣятельность поэта, а потому они необходимы. Въ послѣдniй перiодъ творчества и совершеннаго освобожденiя отъ внѣшнихъ цѣлей, Пушкинъ дошелъ даже до глубокаго и холоднаго эгоизма, до котораго можетъ только дойти художникъ, постоянно живущiй съ образами и созданiями своей фантазiи, а не съ людьми. Освобождая себя, какъ художника, отъ всѣхъ разнообразныхъ цѣлей въ жизни, въ которыхъ благородный

человѣкъ видитъ и мысль и правду, выражаясь презрительно о заботахъ современниковъ:

Все это, видите ль, *слова, слова, слова,*

Пушкинъ очерчиваетъ волшебный кругъ около художника. Ему бы хотѣлось не давать никому и ни въ чемъ отчета и служить только и угождать самому себѣ,

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественной природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! Вотъ права! (20)

Таковъ Пушкинъ во всей наготѣ своего холоднаго художническаго эгоизма, презирающій все то, за что другіе борются и проливаютъ кровь и слезы. Но не бросимъ же камень осужденія въ великаго поэта нашего за его исключительное служеніе Искусству и одному только Искусству. Этотъ эгоизмъ великаго художника и понятенъ и простителенъ вмѣстѣ. Искусство есть одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго духа; оно имѣетъ свои законы и свои условія. И вопросъ еще въ томъ — можетъ ли Искусство служить страстямъ и волненіямъ міра дѣйствительнаго? можетъ ли оно и должно ли спускаться съ свѣтлаго неба своего въ земную область страданій? Выставляя такія требованія, будемъ ли мы справедливы? Въ наше время, какъ я сказалъ уже, много критиковъ вооружаются противъ исключительной художественности въ созданіяхъ Поэзіи; они хотятъ отъ нея служенія общему дѣлу развитія. Но не станемъ забывать, что Поэзія, какъ и другія Искусства, принадлежитъ къ особенному кругу созданій человѣческаго

духа. Въ Искусствѣ истина выражается не прямымъ языкомъ: она закрываетъ мысль свою въ чувственную форму и только сквозь нея говоритъ духу. А чувственная форма подчинена всѣмъ условіямъ чувственности и есть низшая форма сознанія. И въ ней можно преподавать уроки, но есть высшій способъ и этотъ способъ есть мышленіе. Искусство можетъ служить конечнымъ цѣлямъ, но оно должно остаться самимъ собою. Такъ и Поэзія, и въ настоящее время разнообразныхъ стремленій должна кажется остаться только въ художественной сферѣ, и если мысль Поэта близко сочувствуетъ настоящему, то возблагодаримъ его за эту теплую любовь къ намъ, но не осудимъ другого Поэта, который весь отдается отторгнутымъ отъ земли и свободнымъ образамъ своего вдохновенія. Намъ кажется, что близкое отношеніе къ современности не въ состояніи выработать великаго Поэта. Мы знаемъ изъ исторіи Поэзіи, какъ недолговѣчны и эфемерны тѣ созданія ея, которыя выростаютъ на современной почвѣ, подъ вліяніемъ быстро идущихъ другъ за другомъ событій и волненій дѣйствительности. Они походятъ на весенніе цвѣты, отлетающіе съ первымъ вѣтромъ осени. Придетъ другая весна, вновь заговоритъ вѣчная, неумолкающая жизнь природы и между блестящими новыми формами, увидимъ ли мы старыя? А между тѣмъ—вѣковой дубъ гордо шумитъ могучими листьями, чуждый той мимолетной жизни, которая кипитъ и мятется вокругъ него. Не онъ ли типъ прочности и вѣчной силы Природы? Такъ и созданія Поэта, уединенно зрѣющія вдали отъ бурь современности, остаются вѣчными образцами. Къ созерцанію ихъ прекрасныхъ, долговѣчныхъ формъ улетаетъ душа, измученная скорбями житейскими; она видитъ въ нихъ залогъ грядущаго бытія, величественное свидѣтельство безсмертія духа. Благо же великому Поэту,

умѣвшему создать намъ очарованный міръ Искусства, гдѣ все свѣтло и отрадно, гдѣ царитъ неземная и не возмущаемая страстію красота. Его образы, далекіе но прекрасные, всегда подымутъ, согрѣютъ и оживятъ душу. Безъ наслажденія Искусствомъ темна и печальна жизнь.

Поэзія Пушкина не умретъ, пока будетъ существовать Русскій языкъ и Русская литература. Его могучій геній говоритъ намъ объ этомъ безсмертіи въ потомствѣ Русскаго народа. Его созданія, проникнутыя геніемъ народности и художественности, воспитанныя силою уединеннаго творчества, долго будутъ образцами для многихъ поколѣній Русскихъ поэтовъ. Пройдутъ года, но волшебные звуки, лелѣявшіе слухъ нашъ, будутъ звучать и для отдаленныхъ потомковъ съ тою же возбуждающею силою, съ какою раздаются они для насъ. Имъ суждена долговѣчная жизнь и къ памятнику поэта, по его собственному выраженію, »не заростетъ народная тропа.« Но духъ народа живетъ также могущественною жизнію и вѣчно бьетъ въ груди его ключъ живыхъ и свѣжихъ силъ. Русскимъ сердцемъ мы вѣримъ въ великую будущность нашего Отечества, мы вѣримъ, что будетъ еще много поэтовъ на нашей великой землѣ, что она дастъ содержаніе и силы для многихъ возвышенныхъ созданій вдохновенія. И нынѣ, посреди страшныхъ испытаній, посланныхъ намъ неисповѣдимою волею Провидѣнія, посреди смутъ потрясеннаго міра, посреди этихъ могучихъ событій современности, приготовленныхъ цѣлыми вѣками предшествовавшей исторіи, когда голосъ Поэта долженъ смолкнуть предъ громами брани, мы вѣримъ сознательно въ возможность и величіе грядущихъ явленій Русской поэзіи. Бурныя времена браней и тяжелыхъ народныхъ испытаній, вмѣстѣ

съ тѣмъ были всегда временами скрѣпленія и развитія народныхъ силъ. Великодушный порывъ Русскаго народа могъ явиться только въ славную войну двѣнадцатаго года, и за нею слѣдовала блестящая эпоха внутренняго развитія государственныхъ и народныхъ силъ и за нею только могла явиться поэзія Пушкина. Сколько великихъ поэтовъ являлось въ слѣдъ за бурными временами, записанными исторіей. Поэмы Гомера возникли во время броженія національной жизни Греціи, геній Данта окрѣпъ и выросъ посреди нестройнаго міра Среднихъ вѣковъ, Мильтонъ и Шекспиръ слѣдовали за пуританскими волненіями въ Англіи. Кто знаетъ, можетъ быть и теперь, въ виду кровавой войны, гдѣ нибудь въ уединенномъ углу нашего необъятнаго Отечества, тихо зрѣетъ и развивается поэтъ будущаго величія Россіи, будущей славы нашей, за которую порукой силы народныя. Пушкинъ былъ поэтомъ минувшаго царствованія и вмѣстѣ съ началомъ его возмужалъ и талантъ его. Мы желаемъ и вѣримъ, что и настоящее царствованіе будетъ имѣть также своего Поэта, который украситъ его своими созданіями, лишь только стихнетъ страшный шумъ войны, потрясающій міръ. Лавры поэзіи сплетались у насъ всегда съ лаврами брани. Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и Пушкинъ пѣли военные громы и славу Русскаго оружія. И мы вызываемъ теперь всѣми силами души изъ плодотворнаго лона нашей Россіи будущаго пѣвца ея, мы громко зовемъ его, участника будущей славы, поэта грядущихъ надеждъ и стремленій народныхъ, поэта грядущаго величія, за которое говоритъ намъ само сердце наше.

ПРИМѢЧАНІЯ

1. Сочиненія А. Пушкина. Изданіе Анненкова. Томъ I. »Матеріалы для біографіи.« Стр. 69.
2. Стихотвореніе »Памятникъ.« Ibid. Томъ III, стр. 68.
3. Сочиненія Лермонтова. Изданіе Смирдина 1847 г. Томъ I. Стихотвореніе »Памяти А. И. Од — го,« стр. 61.
4. Сочиненія А. Пушкина. Томъ V. »О предисловіи Г-на Лемонте,« стр. 541.
5. Ibid. Томъ I, стр. 156 — 157.
6. Сочиненія И. И. Дмитріева. Изданіе пятое, М. 1818 года. Часть I, »Чужой Толкъ,« стр. 51.
7. Сочиненія Пушкина. Томъ I, стр. 158.
8. Стихотворенія Жуковскаго. Изданіе пятое, Спб. 1849 года, Томъ I, »Къ Филалету,« стр. 43.
9. Ibid. Томъ II, »Теонъ и Эсхинъ,« стр. 56.
10. Ibid. Томъ I, »Посланіе къ Батюшкову,« стр. 221.
11. Ibid. Томъ II, »Эолова Арфа,« стр. 145.
12. Ibid. »Весеннее Чувство,« стр. 213.
13. Ibid. Томъ III, »Лалла-Рукъ,« стр. 293.
14. Сочиненія Батюшкова. Изданіе Смирдина, 1850 года, Томъ II, »Веселый Часъ,« стр. 56 — 57.
15. Ibid. »Отрывокъ изъ Элегіи,« стр. 86.
16. Ibid. »Привидѣніе,« стр. 41.
17. Ibid. Томъ I, »Нѣчто о Поэтѣ и поэзіи,« стр. 65.
18. Сочиненія Пушкина. Томъ II, »Чернь,« стр. 465.
19. Ibid. »Поэту,« стр. 509.
20. Ibid. Томъ I, стр. 423.